Золотое правило Трехпудовочки

Автор:
Дарья Донцова

Золотое правило Трехпудовочки

Дарья Донцова

Татьяна Сергеева. Детектив на диете #7

Говорят, снаряд дважды в одну воронку не падает, но Татьяне Сергеевой «повезло» – уже вторая ее квартира пострадала от пожара! Пришлось Танюше принять любезное предложение компьютерного гения Димона пожить у него. Она наивно согласилась присмотреть за четырьмя рыжими кошками! Однако каждая хвостатая красавица требует особенного ухода, а разбираться в этом Танечке совершенно некогда, ведь у нее новое запутанное дело. Лена Киселева попросила найти настоящих родителей своей приемной дочки Ани. Кровная родня быстро отыскалась – не какие-нибудь голодранцы, а владельцы престижной клиники «Светлое детство» – и сразу признала Аню. Казалось бы, расследование закончено, но вскоре Таня получила страшное известие: Лена с дочкой и ее новые родственники отравились в ресторане ядом рыбы фугу, и это явно не случайность!

Дарья Донцова

Золотое правило Трехпудовочки

Глава 1

Изредка гадкий утенок превращается в лебедя, но чаще всего из него вырастает гадкая утка.

Я поежилась и осторожно посмотрела на Чеслава. Начальник с невозмутимым видом слушал нашу гостью Елену Киселеву. Ничего особенного в новой клиентке не было: ни красоты, ни, похоже, исключительного ума. Встретишь на улице – не задержишь взгляда: одета средне, как все. А вот ее дочурка Аня, сидевшая в соседнем кресле, выглядела сногсшибательно. При виде девицы даже Марта скорчила гримасу удивления, а нашу Карц не сможет выбить из равновесия даже появление в офисе снежного человека. Скорее всего, при встрече с йети Марта вручит ему бутылочку жидкого мыла и прикажет: «Немедленно ступай в ванную и прими душ, терпеть не могу, когда от мужика несет старым козлом».

Однако Анечке удалось смутить дочь олигарха. Она не желала прятать красивую грудь под мешковатым свитером. Обычно девочки в юном возрасте стесняются невесть откуда взявшейся женственности, но Аня демонстрировала все свои прелести. На ней была коротенькая кофточка цвета взбесившейся морковки. Впрочем, можно ли назвать «кофточкой» небольшую полоску ткани, едва-едва достигающую солнечного сплетения и имеющую вырез, который не оставляет никакой возможности для воображения?.. Лифчиком Аня пренебрегла, и поэтому всякий раз, когда она чуть наклонялась, Чеслав отводил взгляд в сторону окна, а Димон усердно кашлял. Там, где оранжевая тряпочка заканчивалась, белел живот, в пупке торчала серьга с блестящими сине-зелеными камнями. «Изумруды» и «сапфиры» даже не пытались прикинуться настоящими. Анечка щеголяла в шортиках, расшитых стразами, желто-красных чулочках на ажурных резинках, которые ненавязчиво высовывались из-под штанишек, и в белых сапожках на каблуках, зашнурованных до колена. Прибавьте к этому чудовищный макияж, «гвоздик» в носу, колечко в губе, сильно начесанные, явно самостоятельно выкрашенные в фиолетовый цвет волосы, черный лак на ногтях, многочисленные бусы из желтого и красного металла, такие же по количеству и качеству браслеты, аромат въедливых духов – и получите Анечку Киселеву.

– Сядь прилично, – попросила Елена.

– А че? – лениво осведомилась Аня, перекатывая во рту жвачку. – Че приматываешься?

– Мы пришли по делу, – тихо сказала мать.

– И че? – бубнила дочь.

Лена попыталась обуздать чадо:

– Так не сидят в присутствии старших.

– Ладно, – неожиданно согласилась Аня, встала, подошла к дивану, расположенному у стены, и плюхнулась на него, забросив ноги на подлокотник.

– Анна! – взвилась Лена. – Как тебе не стыдно! Теперь понимаете, о чем я?

Я машинально кивнула. Лена сидит у Чеслава около двадцати минут и девятнадцать из них жалуется на поведение дочери: груба, постоянно хамит, не слушает мать.

– Ма, определись, че хочешь, – явно издевательски заявила Аня, – тока что сама сказала: в присутствии старших не сидят. Я легла, так тебя снова корежит.

Елена потеряла терпение.

– Я сказала «так не сидят».

– Как? – заморгала Аня.

– Хамски, – заявила Лена.

– Этта как? – заржала дочь. – Объясни, я не врубаюсь.

– Мама хочет, чтобы ты вернулась в кресло, и тогда мы продолжим разговор, – еле сдерживая гнев, сказала я.

– И че? – хмыкнула Аня. – Мама хочет, хочет и перехочет.

– Ты должна слушать Елену, – пискнула я.

Девица сунула под голову одну из трех подушек, украшавших диван.

– Кто сказал?

– Что? – удивилась я.

– Ну кто издал приказ про мои обязанности? – фыркнула Аня. – Покажите закон, напечатанный в газете.

– Мама старше, она умнее и желает тебе исключительно добра, – ввязалась я в глупый спор.

Аня схватила вторую подушку и засунула ее под спину.

– Разберемся в ситуации, – неожиданно почти нормально заговорила она, – у мамульки за спиной восемь классов школы и медучилище, которое она еле-еле закончила. Она меня обманывала, что получала одни пятерки, да я в бумагах порылась и ее диплом с трояками нашла. Глупо так брехать, если «красный» диплом имеешь, то в мединститут пойдешь, а не будешь в районной поликлинике бабкам температуру мерить. Ни одного иностранного языка она не выучила, книг хороших не читает, только журналы со сплетнями. Ей одни тупые сериалы нравятся, ну, про любовь и стрельбу. Спросите у нее, кто такие Феллини – Антониони – Тарантино? Ответа не получите. Вот про Пушкина мамахен слышала, только вопрос: читала ли она его? О художниках я уж и не говорю. Правда, думаю, она знает, что картины висят на стенах, скульптуры можно обойти кругом. Кто такой Роден? Ван Гог? Да хоть, блин, Айвазовский! Ну, чего молчишь?

Елена вжала голову в плечи, Аня села и расставила ноги.

– Я же свободно изъясняюсь на английском и французском, разбираюсь в музыке, литературе, кино, учусь на одни пятерки. Кто кого должен слушаться? А?

Я не нашла достойного ответа нахалке, похоже, Димон, Чеслав и Марта тоже были нокаутированы.

– Вот, – прошептала Лена, – и так каждый день на протяжении года. Я дура – она молодец. В школе на Аню не нахвалятся: первая везде, знает все! Я ходила к

директору, жаловалась и услышала в ответ…

– Абсолютную правду, – нагло перебила ее Аня, – тебе сказали: «Уделяйте дочери побольше внимания. Девочке нужна любовь». А ты мужика завести мечтаешь, других целей в жизни нет!

– Хватит! – рявкнула Марта. – Какого черта мы эту ерунду слушаем? Если у вас проблемы с дочкой, обратитесь к психологу, мы занимаемся другими делами.

– Группенсексом? – захихикала Аня. – Да вы старички.

Карц подскочила к безобразнице, ловко скрутила ее и под неумолчные стоны Лены: «Осторожно, вы делаете ребенку больно», вытолкнула хамку за дверь, захлопнула ее и взглянула на Чеслава. Начальник встрепенулся.

– Елена Сергеевна, Марта права, мы не оказываем содействия в коррекции воспитания. Могу лишь вам посоветовать хорошего специалиста.

Лена откинулась на спинку стула.

– Выслушайте меня, пожалуйста. Дело не в безобразном поведении Ани, хотя и в нем тоже. Проблема в другом: я хочу найти ее родителей.

Димон щелкнул пальцами.

– Вы не мать Анны?

– Не биологическая, – уточнила Лена.

Марта поправила яркое шелковое платье, на мой взгляд слишком легкое для ранней весны, и заявила:

– Теперь, когда вашего постоянного раздражителя здесь нет, можете говорить спокойно или, наоборот, нервно, в общем, как заблагорассудится, мы разберемся.

Тут же полился рассказ.

Лена с детства мечтала о семье. Если ее одноклассницы думали о достойной профессии, собирались делать карьеру, то она хотела как можно раньше выйти замуж, родить не меньше троих детей и целиком уйти в заботы о супруге и чадах.

Судьба услышала пожелание девушки и послала ей тихого, непьющего, некурящего Витю. Виктор работал плотником, чурался шумных компаний и слишком самостоятельных, ярких женщин. Спокойная, неамбициозная Лена очень понравилась ему, а она оценила положительного Витю и быстро дала согласие стать его женой. Вероятно, на ее решение сильно повлияли два факта. У плотника была вполне симпатичная «трешка» почти в центре Москвы. А еще Лене до тех пор ни руку, ни сердце никто не предлагал. Вероятно, ухажеров пугала ее прямолинейность: едва сходив с кавалером в кино, она начинала строить планы вслух. Первую девочку хотела назвать Аней, мальчика Андрюшей, ну а третьему ребенку имя может дать муж. Понимаете, как реагировали парни, услышав подобное заявление? Во второй раз они девицу на свидание не приглашали. А вот Виктора Ленины рассуждения не оттолкнули, он тоже был настроен на большую семью.

Первые полгода новобрачные были счастливы, но потом забеспокоились. Несмотря на все старания, Лена не беременела. Киселевы пошли к врачу, узнали, что у жены есть небольшая проблема со здоровьем, и стали лечиться. Год, второй, третий, в конце концов оба поняли: у них никогда не будет многодетной семьи. Маловероятно, что удастся родить хоть одного ребенка. Лена пала духом, а Виктор решил не сдаваться. Кто-то из коллег подсказал ему: надо обойти двадцать московских церквей, в каждой заказать особый молебен. Вот только и эта мера не помогла. Тогда коллега Вити, тот самый, что познакомил его с Леной, вспомнил: на одном из московских кладбищ есть могила некой Евдокии, дух которой исполняет заветные желания и вроде особенно благоволит к тем, кто мечтает о детях.

Витя поехал на погост, истово помолился, прикрепил бумажку со своей просьбой среди прочих аналогичных на памятнике и услышал приятный женский голос:

– Вы кого больше хотите, мальчика или девочку?

– Кого бог пошлет, – вздохнул Виктор, разглядывая особу средних лет, одетую в скромное серое платье, – а вы, наверное, здесь при церкви работаете? Скажите, Евдокия помогает?

Незнакомка кивнула, на ее голове, несмотря на теплый, даже жаркий день, был платок.

– Да, но я не служу на погосте. В моем ведении приют для брошенных малышей, сюда помолиться прихожу за души тех, кто от своего ребенка отказался.

– Да их расстреливать надо! – жестко ответил Витя. – Кинуть родную кровиночку!

– Не судите и не судимы будете, – вздохнула женщина, – разные обстоятельства бывают.

– Нет таких обстоятельств, чтобы от ребенка отказываться, – гневно сказал Виктор.

– У вас с женой проблемы? – пожалела Витю собеседница. – Не отчаивайтесь.

Витя был старше Лены и никогда не отличался болтливостью, он не принадлежал к людям, которые, едва сев в купе, начинают самозабвенно рассказывать историю своей семьи. Но женщина в сером платье так печально и понимающе смотрела на плотника, что тот неожиданно поделился с ней своей бедой.

Через час разговора у Вити сложилось ощущение, что они с Владой Сергеевной знакомы всю жизнь, а та воскликнула:

– Случайных встреч не бывает, не зря нас провидение на могиле Евдокии свело. Ты молился о ребенке, а я просила родителей для Анечки. Совсем недавно к нам поступила девочка, ей, по определению врача, примерно пять лет.

Голос у Влады Сергеевны был убаюкивающе спокойный, она говорила монотонно, не меняя интонации. Скамейка, на которой устроились новые знакомые, стояла под бурно разросшимися кустами сирени, сладкий аромат

плыл над кладбищем, солнце поднялось высоко, стало душно, как перед грозой.

Виктор, слушая Владу, постепенно впадал в оцепенение.

Приют, которым заведовала Влада Сергеевна Ильченко, предназначался для обычных детей. Новую девочку туда подкинули. В пять лет она практически не умела разговаривать, на все вопросы воспитателей твердила:

– Аня, Аня, Аня.

Ни фамилии, ни адреса, ни имени родителей, вообще ничего о себе ребенок не знал. Одежда на девочке была не новой, но чистой и аккуратно заштопанной, белокурые волосы заплетены в косички. Как Аня оказалось на пороге интерната, не знал никто, ее просто увидели сидящей на ступеньках. Стоит ли упоминать о том, что у детдома не было средств на установку камер видеонаблюдения?

Не так далеко от интерната находится Павелецкий вокзал, и спешно вызванная милиция предположила, что ребенок потерялся, случайно ушел от родителей. Аню хотели отвезти в детприемник, но девочка мертвой хваткой вцепилась в руку нашедшей ее Влады Сергеевны и подняла такой крик, поняв, что сейчас ее разлучат с ней, что Вероника Львовна, инспектор по делам несовершеннолетних, испугалась, а директриса живо сказала:

– Не надо трогать ребенка, у нее может случиться истерический припадок. Оставьте Аню пока у нас.

Влада и Вероника хорошо знали друг друга и понимали: правил без исключений не бывает. Один раз заведующая интернатом здорово помогла инспектору. Когда у той подстрелили мужа-участкового и потребовалось днями и ночами выхаживать раненого, Вероника попросила Владу временно присмотреть за своим трехлетним сыном. Влада Сергеевна, в нарушение всех существующих правил, пригрела мальчика в детдоме, кормила его за госсчет, выделила кровать в спальне. Понимаете, почему инспектор не стала спорить? Аня осталась в том детдоме, на ступенях которого ее нашли.

Некоторое время Аня повсюду ходила хвостом за Владой Сергеевной. Девочка была худенькой, но ее явно не морили голодом, о жестоком обращении тоже речи не шло, на теле не обнаружилось ни синяков, ни следов от ран, а рентген

не выявил застарелых переломов. Вши и другие кожные паразиты отсутствовали. Одежда была без меток, зубы ребенку не лечили… Словом, установить личность крошки оказалось невозможно, ни одной особой приметы у Анечки не нашлось. Вероятно, она жила у необразованных людей, которые не обращали внимания на то, что она почти не говорит в пять лет.

Попав в руки умелых воспитателей, Аня стала делать успехи. Она явно была умненькой, просто девочкой никто не занимался.

– Анечке нужна хорошая семья с любящими родителями, – журчала Влада, – нас Евдокия с вами специально свела, это знак.

Виктор был суеверен. Вдобавок его разморило от жары и удушливого запаха сирени, а еще странный голос Влады: вроде тихий, деликатный, без визгливых нот, он проникал в мозг Виктора, как горячий нож в масло.

В конце концов плотник неожиданно для себя спросил:

– А когда можно посмотреть на Аню?

– Хоть сейчас, – обрадовалась директор. – Поехали?

И Виктор направился в приют. По дороге он из телефона-автомата позвонил Лене, та поспешила туда же, как всегда и не подумав спорить с супругом.

Когда воспитательница Марта Игоревна ввела в кабинет Влады Сергеевны девочку, Виктор и Лена вздрогнули, а сотрудницы детдома в один голос сказали:

– Как она на вас похожа!

Вспоминая потом тот день и разглядывая детские фото Анечки, которых Виктор сделал несчетное количество, Лена поняла: девочка вовсе не была копией приемных родителей, просто совпал типаж. Анечка была блондинкой с голубыми глазами и нежно-розовой кожей, Лена в детстве тоже походила на куклу Барби, а Виктор напоминал персонажей из древнегерманского эпоса про Нибелунгов: статный, светловолосый мужчина с правильными, но грубоватыми чертами лица. Если бы Аня была брюнеткой, ни Лена, ни Виктор не испытали бы прилива

родительской любви к ребенку. Но они увидели свою ожившую мечту: именно такой представлялась им родная доченька.

Все хлопоты по удочерению Ани Влада Сергеевна взяла на себя, у нее были обширные связи, и она быстро преодолела все бюрократические препоны. Анечка оказалась у Киселевых. Чтобы никто из соседей, не дай бог, не рассказал ей правду про сиротское детство, Лена и Виктор сменили квартиру. И здесь им снова пришла на помощь Влада Сергеевна. Она договорилась со всеми инстанциями, и Киселевы из района метро «Автозаводская» перебрались в Тушино. Из одной стандартной «трешки» они переместились в другую стандартную «трешку». Когда в спешно отремонтированные стены внесли прежнюю мебель, у Лены сложилось впечатление, что она никуда не выезжала. Дабы избежать сплетен, Киселевы поменяли и работу: жена устроилась на службу в поликлинику, а муж нашел хорошее место в Красногорске. Семья не вызвала у соседей никакого ажиотажа: приятная пара с ребенком, таких сотни тысяч. Очень скоро народ начал ходить к Елене мерить давление и просить Виктора о мелком ремонте мебели.

Если среди ваших родственников есть медицинский работник или мастер на все руки, вы поймете Киселевых, которые никогда не отказывали соседям, но порой злились на их бесцеремонность. Впрочем, в том же подъезде жили продавец продуктов Вера и директор магазина детской одежды Людмила Петровна. Верочка отоваривала Киселевых дефицитом, Лена делала ей уколы, прописанные врачом. Людмила Петровна откладывала медсестре вещи для ребенка, а Виктор починил ей кухню, подогнал рамы, поправил дверь. По принципу бартера в девяностые годы прошлого века жили почти все москвичи.

Глава 2

Киселевым пришлось потратить немалые усилия, чтобы Аня из недоразвитой девочки превратилась в бойкого ребенка с обширным словарным запасом и знаниями в разных областях. Виктор очень любил книги, он собрал замечательную библиотеку и каждый вечер непременно усаживался с дочерью в кресло с книгой в руках. Он прочитывал Ане главу, затем просил ее пересказать услышанное. Сначала у Ани ничего не получалось, она даже не понимала, чего хочет папа, но потом дело пошло на лад. Виктор водил девочку в театр, купил

абонемент в консерваторию и доходчиво объяснил ей разницу между скрипкой и альтом. Через год мама уговорила директора музыкальной школы принять Анечку в класс фортепьяно, и девочка стала играть гаммы. Впрочем, глагол «играть» не отражает суть дела. Пальцы не очень хорошо ее слушались, звуки, которые Аня извлекала из инструмента, резали слух даже школьной буфетчице, а на занятиях хора ученица Киселева всегда портила песню. Но Лена и Виктор не отчаивались. Отец накупил гору специальной литературы и выяснил, что умственное развитие ребенка напрямую зависит от физического. Грубо говоря, если девочка плохо бегает, она не слишком хорошо соображает. Вывод отца был слишком прямолинеен, но Виктор записал Аню в секцию художественной гимнастики и кружок лепки.

– Пусть разовьет мелкую моторику пальцев и научится владеть своим телом, – пояснил он Лене.

Елена была намного проще мужа, ее интересовали исключительно книги по кулинарии и домоводству, из музыки она предпочитала что-нибудь жалостливое, желательно про любовь, а в театре Леночку клонило в сон. Киселева искренне восхищалась мужем, который легко жонглировал фразами вроде «мелкая моторика пальцев» и мог спокойно разгадать самый сложный кроссворд, поэтому она никогда не вмешивалась в воспитание дочери. Лена занималась бытом, вскакивала в пять утра, чтобы успеть приготовить домашним горячий завтрак, стирала, гладила, убирала, пекла пироги и почти на все вопросы дочери отвечала:

– Папа вернется и объяснит.

День Анечки был расписан до предела. Подъем, зарядка, холодный душ в любую погоду, школа, обед, музыкальные занятия или спорт, кружок лепки или вышивания, домашние уроки, чтение книг, сон. Телевизор был вычеркнут, общение со сверстниками ограничивалось переменами, выходные дни Виктор делил на «спортивные» и «культурные». В субботу он с дочерью посещал театр, концерты, выставки, в воскресенье они бегали на лыжах, коньках или шли в бассейн. Лена оставалась дома, пекла торт или шила девочке платье.

К десяти годам Аня опережала сверстников по развитию, стала круглой отличницей, победительницей олимпиад и вдобавок красавицей. Художественная гимнастика отшлифовала фигуру девочки, она выгодно отличалась от одноклассниц. По идее, у школьницы Киселевой были все шансы

стать в классе лидером: как правило, дети любят тех, кто быстрее всех бегает и выше прыгает, а еще Аня всегда первой сдавала тетради на контрольных. Но ее откровенно сторонились. Причина крылась в Аниной заносчивости. В классе учились дети очень обеспеченных родителей, их одевали в роскошные фирменные вещи, но Лена отлично шила, ей ничего не стоило за пару вечеров смастерить для Ани такой наряд, что одноклассницы синели от зависти. Киселева считала себя самой умной, самой красивой, самой ловкой, самой роскошной. Анечка абсолютно не задумывалась над тем, где родители берут деньги, и не понимала, что практически все заработанные средства идут на ее содержание. Лена много лет носила одно и то же пальто, а Виктор сам ремонтировал себе ботинки.

Когда Аня перешла в шестой класс, отец неожиданно умер, Лена осталась с дочерью одна. Проблемы начались сразу. Матери теперь пришлось уйти работать в больницу и набирать побольше ночных смен – за них много платили. Походы в театр и консерваторию прекратились, у Лены не было ни денег, ни свободного времени. Правда, мать попыталась сохранить заведенный порядок. Один раз она купила билеты на концерт какого-то пианиста и… заснула в зале.

– Я больше никуда с тобой не пойду! – возмутилась Аня, с трудом растолкав Лену после финальных аккордов.

Очень скоро Анечка поняла: мать – тупая коза. Да, у нее получаются вкусные сырники и ватрушки, она замечательно печет, но на какую тему с ней можно поговорить? О способах варки геркулесовой каши? Учителя и одноклассники тоже казались ей идиотами: первые пересказывали учебники, вторые были неспособны запомнить разжеванную педагогами информацию, читали тупую газету «Гвоздь», ржали над похабными анекдотами и фанатели от поп-группы «Бамс», создавшей бессмертный хит «Любовь на снегу». Вся школа от мала до велика распевала: «Когда наступит зима, ты уйдешь от меня, ветром любовь унесет, снегом ее занесет».

Анечка, воспитанная на классике, любила «Битлз», «Queen», «Rolling stones» и прочее, по мнению одноклассников, «пенсионерское дерьмо», морщилась, услышав песни российских поп-звезд, и презрительно заявляла: «Тынц-тынц, бумс-бумс, тынц-тынц. Шикарная мелодия, Моцарт отдыхает». Ну и как должны были относиться к Ане ровесники?

В тринадцать лет ученица Киселева пошла вразнос. Она покрасила волосы в черный цвет, сделала тату и на все замечания матери отвечала:

– Да пошла ты!

Испуганная Лена попыталась подлизаться к Ане, накопила денег и приобрела ей вожделенную кожаную куртку. Та с презрением отвергла обновку и заявила: «В следующий раз дашь свои копейки мне, я сама прикид подыщу».

Лена расплакалась, а любимая дочь, буркнув: «Фу, прекрати лить сопли», ушла в детскую и на всю громкость врубила проигрыватель, специально выбрав из огромной фонотеки группу «Рамштайн». Аня не любила «железный» рок, но она безошибочно угадала в тот день исполнителей. Через двадцать минут мучений от какофонии звуков рыдания Елены перешли в истерику.

Дальше – больше. Аня стала приносить домой одежду, книги, конфеты, парфюмерию.

– Где ты берешь деньги? – допытывалась у дочери Лена. – На какие средства покупаешь вещи?

– Ворую, – нагло отвечала Аня.

Вначале Лена думала, что девочка оговаривает себя, чтобы вывести ее из равновесия, но потом она увидела срезанные бирки и с ужасом поняла: Анечка нечиста на руку.

В полном отчаянии Елена не придумала ничего лучшего, чем побежать в детскую комнату милиции и сказать:

– Помогите! Моя дочь скатывается в пропасть.

Не осуждайте Лену: она до взрослых лет сохранила наивную веру в закон и порядок и, насмотревшись российских сериалов, полагала, что в райотделах сидят капитан Ларин, Дукалис и Настя[1 - Герои телесаги «Менты».], они непременно ей помогут, проведут с Аней воспитательную беседу, и девочка исправится.

Действительность отличалась от киноленты, как хрен от меда. Усталая тетка лет пятидесяти оторвала взгляд от каких-то бумаг и с легким раздражением переспросила:

– Анна Киселева? Не помню такую.

– Она не состоит на учете, – пролепетала Лена.

– Так чего вы пришли? – откровенно разозлилась инспекторша.

Елена, спотыкаясь на каждом слове, изложила проблему. Сотрудница милиции перешла от гнева к изумлению.

– Девочка пьет?

– Упаси бог, нет, – испугалась Лена.

– Наркотики? Ранняя половая жизнь? Бросила школу? Не приходит ночевать? Бьет вас? – задала новые вопросы тетка в форме.

– Вы за кого мою дочь считаете? – взвилась Лена. – Учится она на одни пятерки, занимается спортом, по подъездам не сидит, по дискотекам не шляется.

– Тогда в чем проблема? – заморгала инспектор.

– Она грубит, не слушается, – начала перечислять свои беды Лена, – вещи, говорит, ворует в магазинах.

– «Вещи, говорит, ворует», – повторила сотрудница детской комнаты милиции.

Потом она ткнула пальцем в шкаф.

– Там, мамаша, карточки на малолетних преступников, героинщиков, нюхальщиков клея, воров, проституток и убийц. У всех отбросов есть родственники, но никто из взрослых сам сюда не пришел и своего ребенка не сдал. А вы! Отличница ей нагрубила! Выдай девке ремня. До свидания.

– Но вещи! – заикнулась Лена. – Они откуда?

– Хочешь посадить дочь за воровство? – прищурилась собеседница.

Лена замотала головой.

– Тогда уходи, – буркнула инспектор, – кому расскажу, не поверят. Встречаются же такие мамочки!

Елена решила не сдаваться и ринулась в школу к директору. Но и здесь она тоже не нашла понимания. Вежливая Наталья Николаевна помрачнела и произнесла жаркий спич:

– Аня гордость школы, девочка редкого ума, она у нас победитель всех олимпиад, одинаково одарена как по математике, так и по русскому языку. Сочинения – лучшие в районе, знания по литературе на уровне МГУ. Киселева – для всех пример, маяк. Да, она не пользуется любовью одноклассников, но это зависть к более одаренной личности. О каких проблемах вы ведете речь?

– Она грубит, не слушается, – завела ту же песню Лена.

Наталья Николаевна позвала секретаршу и велела ей вызвать с урока Аню.

Та вошла и тихо сказала:

– Здравствуйте, Наталья Николаевна. Добрый день, мамочка.

У Лены глаза полезли на лоб. «Добрый день, мамочка!» Да дочь к ней давно обращается: «Хай, уродина!»

Наталья Николаевна поправила очки.

– Я удивлена, Анна, мама пришла с жалобой на тебя.

– Извините, – пролепетала нахалка, – если речь идет о сапогах, то я их не нарочно взяла без спроса.

– Сапоги? – переспросила директор.

– Ага, – зашептала Аня, – мои совсем развалились, подошва отлетела, вот я и взяла у мамы сапожки. Не замшевые новые, а кожаные, не лаковые на шпильках, а простые, на толстой подметке. Мамочка их давно не носит, говорит, они из моды вышли, такие только шестидесятилетним старухам на артритных ногах таскать. Ой, простите, Наталья Николаевна, я повторила мамулины слова.

– Ничего, деточка, – процедила сквозь металлокерамические коронки директриса, чей возраст зашкалил за седьмой десяток, – значит, у мамы шкаф обуви, а у твоей единственной пары отлетела подошва?

– Я быстро расту, нет смысла мне хорошие сапоги покупать, – объяснила Аня, – это неразумно. А мама еще молодая, ей надо мужа искать. Я виновата, что не спросила разрешения, но торопилась в школу, боялась опоздать на первый урок. Мамуля собиралась проснуться к полудню, ну не будить же мне ее?

Лена, ошарашенная не только наглой ложью, которую с самым наивным видом сообщала дочь, но и ее тихим, чуть испуганным голосом, растерялась и смогла лишь пробормотать:

– Аня! Что ты говоришь?

– Прости, мамулечка, – всхлипнула дочь, – ой, извини! Давай прямо сейчас отдам тебе сапоги? За картошкой после уроков могу и в кроссовках сбегать. Днем не так холодно, как ранним утром.

– Аня, – ахнула Лена, – какая картошка?

– Ну, грязная, мамулечка, – растерянно ответила Аня, – ты хорошо себя чувствуешь? Сегодня ведь среда, а я в середине недели всегда хожу на рынок, за овощами и фруктами для тебя.

Лена не умела быстро реагировать на неожиданные обстоятельства, она была не особенно сообразительной, поэтому в тот момент не заорала: «Анька! Ты даже не знаешь, где в нашем районе стоит грузовик, с которого торгуют морковкой, яблоками и луком, ты за всю свою жизнь ни разу тарелки не вымыла, кровати за

собой не заправила, ты лентяйка и патологическая врунья».

Нет, Лена лишь моргала, наблюдая за тем, как лицо директрисы медленно вытягивается и краснеет. Анечка же решила сгустить краски и с заботой в голосе спросила:

– Мамуля! Ты опять ела розовые таблетки?

– Розовые таблетки? – переспросила Наталья Николаевна.

Девочка разыграла простодушие.

– Ага, – ответила она, устремив честный, прямой взгляд на директора школы, – мама работает в больнице и приносит оттуда пилюли. Съест одну и ходит веселая, потом плакать начинает, бросается на кровать и спит часами. Очень нехорошее лекарство, а еще дозу нужно постоянно увеличивать, сейчас маме уже по четыре штуки на один прием надо.

– Анечка, – ласково остановила девочку Наталья Николаевна, – через пять минут прозвенит звонок на большую перемену, беги в буфет, успеешь первой. Скажи Марии Антоновне, что я велела тебе бесплатно дать какао и пару булочек с корицей.

Аня захлопала в ладоши.

– Ой, спасибо! Плюшки такие вкусные! Я их обожаю! Но каждый день покупать не могу! Они денег стоят, а у меня их обычно нет! Вот исполнится мне четырнадцать лет, пойду уборщицей подрабатывать, тогда и маме смогу помочь, и наемся.

Безупречно сыграв роль девочки, которая растет в семье отпетой наркоманки, Аня, подпрыгивая, улетела в школьную столовую. Лена сидела с видом суслика, которого поразил удар молнии.

– Немедленно уходите, – прошипела Наталья Николаевна. – На что вы рассчитывали, врываясь сюда? Какую цель преследовали?

Елена не смогла адекватно отреагировать на гневную отповедь директора, до ее разума в тот момент наконец дошло: она абсолютно не знает свою дочь, Аня совсем не та, какой кажется.

– Где? – произнесла она одно лишь слово.

– Что? – рассердилась Наталья Николаевна.

– Где она этому научилась? – пробормотала Лена. – Почему? Мы с Витей внушали дочери библейские истины.

Директор встала.

– Ступайте прочь. Исключительно ради Ани, которая обожает непутевую мать, я не стану звонить ни в органы опеки, ни в милицию. Даю вам месяц. Бросайте пить таблетки, попытайтесь стать нормальной матерью талантливой девочке. Я буду пристально следить за вами. Если пойму, что вы не собираетесь меняться, начну действовать.

Елене пришлось спешно уйти домой под неодобрительным взглядом школьной начальницы, а потом и ее секретарши, которая, как всегда, прекрасно слышала беседу в кабинете у Натальи Николаевны.

С того дня жизнь Елены превратилась в настоящий кошмар.

Утром в школу уходила аккуратно причесанная, одетая в скромное платье отличница. Вечером, когда Лена возвращалась после работы, она находила дома размалеванное чудовище с пирсингом, которое разговаривало матом. Анечка окончательно затерроризировала мать, выбрасывала из окна продукты, которые любила Лена, пачкала ее одежду, выселила ее из спальни в темный чуланчик, где когда-то Витя хранил инструменты. В конце концов Лена не выдержала и крикнула:

– Ну в кого ты такая уродилась?

– Отличный вопрос, мамундель, – захихикала Аня, – уж точно не в тебя, дуру!

– Верно, – кивнула Елена, – ты мне не родная дочь, мы с Витей взяли тебя из приюта.

Глава 3

До той беседы Лене ни разу не удавалось ни смутить, ни лишить Аню самоуверенности, но, услышав последнюю реплику, дочь растерялась, правда, при этом попыталась сохранить лицо, и взвизгнула: «Врешь!»

И тут у Лены лопнуло бесконечное терпение. Она взяла ключи, спустилась в подвал, где у всех жителей дома имелись небольшие кладовки, вытащила из темного угла тряпичную сумку и протянула Ане со словами: «Изучай. Мы с папой сохранили твои вещи, уж не знаю, по какой причине. Сложили их в торбу вместе с документами и спрятали как можно дальше. Можешь считать и Витю, и меня врунами, но мы хотели оградить тебя от нелицеприятной правды».

Аня, растеряв наглость, вытащила из пакета ситцевое платье в белый горошек, нитяные колготки темно-синего цвета, оранжевые сандалии, розовые трусики и панамку. «Что это за дрянь?» – подскочила она. «Это одежда, в которой тебя нашли на пороге приюта, – пояснила Лена, – дальше история болезни девочки, которая в пять лет умела произносить лишь свое имя и больше ничего. Почитай – и поймешь, сколько сил в тебя вложили приемные родители. Извини, мы не оказались ни богатыми, ни знаменитыми, прости, что папа рано умер и у меня теперь не хватает ни денег, ни сил, чтобы водить тебя по театрам».

Всхлипнув, Лена убежала, Аня осталась в подвале.

Через час она вернулась и объявила: «Я не просила меня забирать. Все детство мучилась: ну почему я родилась у такой дуры, как ты? Теперь понимаю: ты мне не родная мать, и это меня только радует. Ужасно знать, что у тебя генетика идиотки. А еще я поняла: папа умер из-за твоей тупости. Кто не заметил у мужа первых признаков заболевания? Ты по менталитету кастрюля».

Елена задохнулась и замолчала.

– Вам не позавидуешь, – прошептала я, вспомнив свой недолгий педагогический опыт.

– Чего вы хотите от нас? – спросил Чеслав. – Мне думается, девочку надо показать опытному психологу.

– Я хочу ее отдать, – еле слышно пробормотала Лена.

– Нам? – испугался Димон и начал теребить свои длинные волосы, собранные на затылке в хвост.

– Нет, найдите ее биологических родителей, – попросила Лена.

Чеслав посмотрел на Марту.

– Вы надеетесь, что наша группа обнаружит женщину, которая почти десять лет назад подбросила к двери приюта пятилетку? – уточнила Карц.

Лена кивнула.

– Мы не волшебники, мы только учимся, – перефразировал известное высказывание Димон.

– Но вы помогли Рите Малковой, – вдруг сказала Лена.

Я вздрогнула. Дело Малковой! Абсолютно безнадежное, провальное, с уликами, указывающими на убийцу, человека, который, как потом выяснилось, был совершенно ни при чем.

– Рита лежала в нашей больнице, – шептала Лена, – мы с ней подружились, она позвонила…

– Спасибо, – остановил Киселеву Чеслав, – нам не нужна история о том, каким образом вы узнали о нашем существовании и кто вас сюда направил. Я имею четкие указания, предписывающие заняться вашей проблемой.

Мною овладело безудержное любопытство. Ага, сейчас Чеслав наконец-то проговорится и сообщит, кому он подчиняется. Однако начальник сказал совсем другое:

– Правда, я имею право отказаться, если…

– Можно попробовать, – неожиданно влез в разговор Димон. – Но зачем вам родители Ани? Не проще ли отказаться от девочки и вернуть ее в детдом?

– В пятнадцать лет? – слабо улыбнулась Лена. – Есть законы, которые охраняют права ребенка. Аня удочерена официально, она прописана в нашей квартире.

– Хотите лишить ее права на жилплощадь? – предположила Марта.

Лена сузила глаза.

– Конечно, нет. Аня моя дочь, она запуталась, винит в своем душевном дискомфорте женщину, которая взяла ее на воспитание. Выкинуть ребенка на улицу я не способна, хоть она и издевается надо мной.

– А-а-а, – протянула Марта, – думаете, что дама, произведшая Анечку на свет, обрадуется, узрев на пороге дочь, от которой отреклась? Схватит ее в объятия, поцелует, приголубит, заберет к себе, а вы вздохнете полной грудью?

Лена вскочила.

– Ни черта ты не понимаешь!..

На секунду мне показалось, что я сижу в зрительном зале и наблюдаю за пьесой, которую разыгрывают актеры. Вроде все хорошо, но это всего лишь спектакль и кто-то фальшивит.

– Я абсолютно уверена, что родная мать Ани, если она, конечно, жива, весьма непорядочная особа, – чеканила слова посетительница, – ни одна нормальная женщина не оставит практически немую малышку. Я найду эту… эту… эту…

– Мать, – подсказал Димон.

Елена косо посмотрела на нашего хакера.

– Да, верно, мать, и покажу ее Ане. Пусть девочка увидит, кто произвел ее на свет! Авось тогда оценит меня по достоинству.

Я решила промолчать, но в моей душе поселилась уверенность: Лена не до конца честна с нами. Марта права, Киселева хочет избавиться от проблемной девочки, но не знает, как провернуть это дело, чтобы сохранить самоуважение. С одной стороны, Лена не может и не желает жить с Аней, с другой – она не способна ни прогнать дочь, ни разделить свою квартиру.

– Сколько у вас комнат? – неожиданно поинтересовалась Карц.

– Три, а что? – удивилась Лена.

– Пятиэтажка? – ехидно уточнила Марта.

– Нет, блочная башня, построенная в начале восьмидесятых, – сказала Киселева.

– Все равно, – беспечно махнула рукой Марта, – район Тушино нельзя отнести к центральным, домишко затрапезный, при разделе квартиры максимум, на что вы можете претендовать, – однушка и комната в коммуналке. И то если повезет. Предполагаю, что дочурка захапает лучший вариант, а вы пожалуете на общую кухоньку.

Я опустила глаза. Карц мне не нравится, она единственное неприятное обстоятельство, которое мне мешает на службе. Капризная, вздорная, избалованная, богатая, слишком красивая, всегда шикарно одетая, сообразительная, пренебрежительная с простыми людьми и хамящая сильным мира сего, завсегдатай тусовок, ньюсмейкер для глянцевых журналов. На вид – бездельница, на самом деле – член бригады Чеслава, хитрая, расчетливая, умная блондинка с голубыми глазами, легко управляющая машиной, мотоциклом, катером, жадная и мотовка – это все можно сказать о Марте. Если она очутится в самолете, пилотов которого неожиданно поразила болезнь, Карц схватит штурвал и сумеет посадить лайнер, не имея опыта летчика и не зная, как им управлять. Если же самолет упадет, то будьте уверены, Марта вылезет из-под обломков живая-здоровая и заорет на спасателя, который попытается оказать ей

помощь:

«Какой идиот жрет перед работой чеснок? Перестань на меня таращиться, прекрати лить пену на груду металла, рысью беги к багажному отсеку и вытащи мой чемодан, он сделан по спецзаказу фирмой «Луи Вуиттон», у него золотая ручка и монограмма «МК» из бриллиантов на крышке. Живо тащи его сюда, там мое любимое платье, которое стоит дороже тебя и идиотской пожарной машины, вместе взятых».

С другой стороны, Марта способна на добрые поступки и охотно протянет руку помощи, не требуя ответной услуги. Как правило, мы с Карц не совпадаем во мнениях: то, что ей видится белым, мне кажется черным, и наоборот. Но сегодня мы обе подумали об одном и том же: о квартирном вопросе.

Лена вскочила.

– Как вы можете!

– Сядьте, – приказал Чеслав, – вашим делом займутся Сергеева и Коробков.

Марта исподтишка показала мне язык, а я рассердилась на Чеслава. Ну почему нам с Димоном вечно достаются провальные дела? Чеслав сделал Карц и моего мужа напарниками, он не хочет, чтобы я и Гри работали вместе. Это нечестно, я почти не вижу Гри, моя семейная жизнь напоминает гостевой брак!

Поток мрачных мыслей прервал звонок мобильного. Я отлично знаю, как злится Чеслав, если во время совещаний кто-нибудь хватается за сотовый. Но и Чеслав в курсе, до какой степени мне хочется работать в паре с любимым мужем. Начальник нарочно нас разбивает, а я сейчас в пику ему начну разговор на пустую тему. На дисплее высветился номер моей соседки по дому Тони Цыганковой, ничего серьезного она сказать не может.

Я демонстративно поднесла трубку к уху, увидела укоризненный взгляд Чеслава, с огромным трудом удержалась от того, чтобы показать ему язык, и слишком громко воскликнула:

– Алло!

– Тань! Сюда! Скорей! – во весь голос заорала Тоня.

– Что случилось? – испугалась я.

– Пожар! – Антонина вопила с такой силой, что мне пришлось отодвинуть руку с телефоном от уха. – Горим! Уже все сгорело! Твоя! Моя квартира! Никита! Химик! Химик! Чертов химик! Бомба!

– Дима, немедленно отвези Таню домой, – приказал Чеслав.

Я вскочила и, забыв попрощаться, помчалась к двери, краем уха услышав фразу:

– Лена, мы начнем завтра, ровно в девять Таня приедет к вам.

Что ответила Киселева, мне неизвестно.

У Димона в джипе, как, впрочем, и у остальных членов бригады, есть «мигалки», «крякалки» и сирена. Спецоборудования лишена только я, причем сигнализацию мне не установили по уважительной причине: я не умею водить автомобиль, а привинчивать пешеходу на голову синий маячок и вооружать его «матюгальником» не принято.

Едва мы добежали до внедорожника, как Димон водрузил на крышу автомобиля синий фонарь, включил стробоскопы, врубил сирену, и мощный «Лендкрузер» выскочил из подземного гаража, пугая окружающих мигающим со всех сторон светом, воем и кряканьем.

– Спасибо, – прошептала я, падая при первом повороте на Коробка.

– За шо, мамо? – не упустил возможности поерничать хакер.

– Знаю, что вы пользуетесь спецсигналами только в случае крайней служебной необходимости, – пояснила я, пытаясь удержаться на сиденье, – в последний раз ты устроил такой выезд, когда мы гнались за маньяком Зинченко, помнишь?

– Гомосексуалист, убивавший детей? Этого не забудешь, – бросил Димон и заорал в громкоговоритель: – Вправо, подали вправо! Оперативная машина! Эй, козел на «БМВ»! Оглох? Ща поддам тебя под бампер, сам с левой полосы улетишь. Мне плевать, что ты на «Х-пятом» себя королем дороги чувствуешь. Вправо, ушли вправо!

Стоявший на дороге гаишник неожиданно взял под козырек.

– И тебе хорошего вечера, сержант, – крикнул через громкоговоритель Димон, – молодца! Правильно оценил наш номерной знак!

Я ухватилась за торпеду.

– Ты летишь, как на пожар!

– Так мы на пожар мчимся, мамо, – напомнил хакер, – сразу скажи, где у вас с Гри золото-брильянты лежат, чтобы я успел их вынести.

– У нас нет алмазного фонда, – вздохнула я, – а деньги, отложенные на отдых, в банке.

Коробок резко затормозил и успел вытянуть передо мной правую руку. Я ткнулась носом в рукав его кожаной с заклепками косухи.

– Да, мамо, похоже, у тебя теперь и квартиры нет, – объявил хакер, – вылазь на пепелище.

Я выпала из джипа, увидела толпу нервно переговаривающихся людей, несколько пожарных машин, парней в спецодежде и вздрогнула. Дежавю. Пару лет назад я вот так же стояла, задрав голову и рассматривая черные провалы окон на том месте, где еще утром находилась моя уютная квартирка…[2 - Ситуация, о которой вспоминает Татьяна Сергеева, описана в книге Дарьи Донцовой «Старуха Кристи – отдыхает!», издательство «Эксмо».]

– Таняша! – бросилась ко мне Антонина. – Химик! Химик!

Я попятилась, похоже, у Цыганковой, и без того не очень сообразительной, окончательно отказали мозги.

– Посиди пока в джипе, – приказал Димон, запихивая меня назад в «Лендкрузер».

В ту же секунду ожил мой мобильный.

– Все плохо? – спросила Марта. – Правда сгорело?

– Похоже на то, – промямлила я, – внутрь не заходила, но снаружи смотрится жутко.

Карц, ничего не сказав, отсоединилась. Телефон снова зазвонил.

– Как дела? – спросил Гри.

– Все хорошо, прекрасная маркиза, – нервно захихикала я, – сгорел ваш дом с конюшней вместе, но это, право, ерунда, а в остальном, прекрасная маркиза, все хороши у вас дела!

– В смысле? – оторопел Гри.

– Ты где? – задала я вопрос.

– Жду во Внукове Марту, сейчас вылетаем в Кишинев, – отрапортовал муж.

Меня царапнула ревность.

– Надолго?

– Надеюсь, на пару дней, – ответил Гри.

Ну и как поступит абсолютное большинство женщин, услыхав о таких планах мужа? Кто из вас, девоньки, удержится от того, чтобы не заорать в ответ: «Надоело! Я тебя годами не вижу. Выбирай: или служба, или я!»

Но мне подобное заявление не к лицу. Я коллега Гри, служу с ним в одной бригаде, сама частенько убегаю на работу в понедельник, а возвращаюсь в пятницу. Мне отлично известно, как Гри относится к Карц: муж считает ее отличным профессионалом, но неприятной бабой, ни красота, ни деньги дочери олигарха ему не нужны. Я единственная любовь Гри. Но, согласитесь, стоя на руинах своей квартиры, хочется ощутить рядом крепкое плечо и услышать слова поддержки.

– Ты пошутила насчет пожара? – спросил Гри.

Я не успела проорать «нет», в трубке что-то щелкнуло, затем раздался противно вежливый голос: «Абонент находится вне зоны действия сети».

Мне оставалось лишь беспомощно смотреть на мобильник. Мы так гордимся достижениями научно-технического прогресса, но прекратись подача электричества, компьютер-телевизор-мобильный станут лишь набором микросхем, впрочем, не знаю, из каких деталей собирают вышеупомянутые устройства. Однако отлично понимаю: нет напряжения – нет возможности заправить блок питания, не будет ни кино, ни е-майл, ни поисковой системы, ни разговора с подругой. Ей-богу, жить в пещере надежнее, чем в пентхаусе на сорок пятом этаже. Заблокируется электронный замок на двери, отключатся лифты, отопление, плита, насосы, качающие воду, погаснут люстры, и продукты пропадут в размороженном холодильнике. А из пещеры легко выйти, под рукой всегда есть ветки для разведения костра, в лесу полно грибов и ягод!

– Я все узнал, – пропыхтел Димон, влезая в машину, – слушай.

Глава 4

Ситуация оказалась настолько идиотской, что в первый момент я даже не поверила, что все произошло в действительности.

Тоня купила своему десятилетнему сыну набор «Юный химик». Цыганковой двигало желание отвлечь безобразника Петю от бесконечных «стрелялок» с «бродилками» или тусовок с приятелями. В принципе Антонина рассуждала

здраво: надо увлечь чадо чем-то интересным, тогда мальчик оторвется от компьютера и не станет творить безобразия в компании товарищей. Набор «Юный химик» полностью соответствовал поставленным задачам. Получив подарок, Петр сначала скорчил гримасу, но потом начал рассматривать пробирки с порошками, пообещал маме не отлучаться из дома, и успокоенная Тоня ушла бродить по магазинам. А Петя влез в Интернет, живо нашел там рецепт производства бомбы в домашних условиях, с радостью понял: почти все ингредиенты есть под рукой, недостающие же можно взять из шкафчика с бытовой химией – и применил теоретические знания на практике.

Бомба получилась на славу, для ее испытания Петя позвал двух одноклассников: Мишу и Ваню. Провести их Миша и Петя хотели во дворе, на пустыре, а Ваня настаивал на уничтожении двери у своей соседки. Словесный спор перешел в драку, кто-то из детей толкнул стол, прозвучал взрыв. К счастью, не мощный – все участники эксперимента остались живы-здоровы, но вспыхнул огонь. Школьники не растерялись, набрали «01». Пожарные примчались так быстро, как смогли, и залили пламя. Во всем доме пострадало только две квартиры: Цыганковой и наша.

Следующий час мы с Димоном бродили среди черных мокрых стен, пытаясь найти хоть какие-нибудь непострадавшие вещи. Увы, то, что не съел огонь, залила вода. У Цыганковой случился сердечный приступ, ее увезли в больницу. Петю забрал дедушка. Я видела, как он, безостановочно отвешивая внуку оплеухи, тащил ревущего Петю в свою старенькую иномарку. Где временно поселятся Цыганковы, было ясно, но куда деваться мне? Гри улетел невесть куда, связи с ним почему-то нет, Марта тоже не отвечает на звонки, близкими приятельницами, к которым можно заявиться со словами: «Я погорелица, пусти пожить на некоторое время», я не обзавелась.

К глазам подступили слезы. Я попыталась справиться с приступом отчаянья. Спокойно, Танюша. Все плохое, что с тобой происходит, в конечном итоге идет тебе во благо. Ну-ка вспомни первый пережитый тобою пожар! Жизнь в тот момент казалась мне законченной, ничего хорошего впереди не ждало. А потом – бац, именно благодаря несчастью начали развиваться мои отношения с Гри, и я стала не только счастливой женой, но и получила самую увлекательную работу на свете. Если судьба поставила вам подножку и вы упали носом в лужу, не спешите расстраиваться, а спокойно подумайте: почему это случилось? Вероятно, на дне ямы с водой лежит огромный бриллиант, всего-то надо пошарить рукой в грязи.

– Поехали, – решительно предложил Димон.

– Куда? – уныло спросила я.

– Ко мне, – пожал плечами хакер, – не ночевать же тебе на вокзале. Хоть и апрель настал, птички поют, травка зеленеет, но спать на газоне не есть хорошо, заработаешь радикулит. Да и прилетевшая с весной в сени ласточка легко может нагадить мирно сопящей госпоже Сергеевой точнехонько в середину лба[3 - Димон вспоминает известное стихотворение А. Плещеева: «Травка зеленеет, солнышко блестит, ласточка с весною в сени к нам летит».]. Эй, раз, два, левой.

Я побрела в джип, подсчитывая в уме потери. Из одежды удалось кое-что подобрать, но в основном личные вещи, мои и Гри, погибли. Я осталась с небольшой сумкой.

– Не куксись, – велел Коробков, когда «Лендкрузер» припарковался у огромного серого дома сталинской постройки, – у меня пустует одна комната, есть ванная, туалет и чайник. Что еще нужно человеку для счастья? Разве что скоростной Интернет, но ты у нас не в ладах с компом. Вылезай. Кстати, каковы твои политические взгляды?

Я привыкла к манере хакера изъясняться немыслимым образом, но последний его вопрос меня изумил.

– Политические взгляды? У меня их нет.

– Совсем? – не успокоился Димон. – Может, ты ратуешь за воскрешение монархии в России? Или втайне мечтаешь о возврате к власти коммунистов?

Я спрыгнула на тротуар.

– Прости, если разочаровала тебя, но я не отличаю Жириновского от Зюганова.

– Отлично! – непонятно чему обрадовался Коробок. – И последнее. Как у тебя с кошками?

Я снова удивилась:

– С кем?

– У кошки четыре ноги, позади у нее длинный хвост, длинный хвост, но трогать ее не моги, не моги, за ее малый рост, малый рост, – пропел Димон.

– Я тоже смотрела культовый фильм про беспризорников, – сказала я, – куплеты помню.

– Так каково отношение госпожи Сергеевой к кошкам? – с абсолютно серьезным видом настаивал Коробок.

– Замечательное, – заверила я, успев сообразить, что у хакера живет некто усатый-полосатый.

– Все лучше и лучше, – дурачился Димон. – Тань, чему нас учат сказки?

– Не слушать маму, которая приказывает тебе ночью идти через лес, где обитает волк, имея при себе корзинку, набитую пирожками с мясом, – предположила я.

– Экая ты, – укоризненно покачал головой хакер, – совсем другому! Приютил тебя добрый человек, помоги ему с хозяйством, ну, типа, как Маша у медведей: тарелки помой, постельки заправь, кашу свари.

Пришлось признаться:

– Дим, я отвратительно готовлю, еще хуже убираю, зато умею включать стиральную машину.

– На хозяйстве у нас Анфиса с Маргошей, – заявил хакер, – а я должен кошек кормить. Вот и подумал: может, ты, пока живешь здесь, займешься кисами?

– С радостью! – пообещала я.

Ну какие хлопоты могут быть с милым животным? Насыплешь ему в миску готовый корм, поменяешь наполнитель в лотке – и свободна.

– По рукам! – обрадовался хакер. – Эне, бене, раба, квинтер, финтер, жаба, договор заключается, назад не расторгается. Поклянись страшными словами, пообещай следить за котами.

Я засмеялась.

– Не беспокойся, за предоставленный кров я отплачу тебе по полной.

– Шикарно, хоть и звучит угрожающе, – усмехнулся хакер и зашагал к подъезду.

Меньше всего я предполагала, что Коробков живет в такой квартире. Возраст Димона никому не известен, мне кажется, что ему от силы четырнадцать, но морщины на лице говорят, что Коробку хорошо за пятьдесят. Правда, на отметины времени быстро перестаешь обращать внимание, так как выглядит Димон незаурядно. Иногда волосы компьютерного гения приобретают розовый, синий или зеленый оттенок и застывают на его голове безумно начесанным и насмерть залаченным хаером, порой они каштановые и стянуты в хвост. Уши Коробкова украшены многочисленными колечками. Компьютерного гения, как занавеску, можно нанизать с их помощью на карниз. В правой ноздре Димона торчит серьга, на шее красуется кожаная полоска, утыканная шипами, на нехилых бицепсах наколоты масштабные картинки. На правой руке – битва орков с Фродо и его товарищами, на левой – гоблины дерутся с человекожабами. Первый сюжет взят у Толкиена, а второй – полет фантазии Коробка.

Димон обвешан ноутбуками, обмотан проводами и снабжен кучей агрегатов, названия которых я запомнить не способна. Если вы задумали кануть в безвестность, то Коробок легко отследит вас, найдет данные о вашей кредитке, подключится к многочисленным камерам наблюдения, взломает служебные сайты авиакомпаний, при помощи спутника отыщет мобильный, увидит вас через стены внутри дома, включив тепловизор.

У Чеслава есть группа экспертов: Гюльнара и Фатима. Те способны по щепочке определить, от чего она отвалилась, кто сделал мебель, кому ее продали. Но об этой славной парочке я расскажу в другой раз, сейчас продолжу о Коробкове.

Я думала, что хакер имеет суперсовременную берлогу: белые стены, черный пол, минимум мебели и всякие изогнутые железки в качестве кухонной утвари. Но сейчас я стояла в темной прихожей, плавно перетекавшей в длинный извилистый коридор.

– Тапки или вьетнамки? – спросил Димон.

– Лучше шлепки, – решила я, получила их, и мы пошли вперед, мимо череды дверей.

Апартаменты казались бесконечными, стены километрового коридора покрывали книжные полки, а там, где неожиданно возникал просвет, висели картины.

В какой-то момент мне почудилось, что в конце изгибающейся галереи за последней дверью обнаружится платформа с надписью «Бологое». Похоже, мы с Димоном уже находимся на полпути между Москвой и Питером.

Завернув за очередной угол, Дима вошел в кухню, оборудованную по моде шестидесятых годов прошлого века: белые шкафчики из пластика, газовая плита и холодильник «ЗИЛ».

– Знакомься! – воскликнул Димон. – Клепа!

Рыжая кошка лениво подняла голову и тихо мяукнула.

– Она ест корм с тунцом, – ткнул пальцем в большую картонную коробку хакер, – насыплешь ей утром миску и забудь до вечера. Клепушка не капризная, писает в обычный наполнитель, она девушка без звездных заморочек. Вон ее гранулы, называются «Чистый хвост». Усвоила?

– Считаешь меня идиоткой? – фыркнула я. – Чего тут сложного? Тунец и «Чистый хвост».

– Супер, – обрадовался Димон, – скачет всадник по полям с мертвецом в седле. Мда! Дальше не помню, стих «Лесной царь». Это Гера.

Из угла кухни выплыла вторая рыжая кошка.

Я понимающе кивнула. Многие люди очеловечивают животных, считают, что в одиночестве питомцу скучно, не с кем ему поиграть, вот и заводят несколько особей.

– Гера лопает только кролика, – продолжал Димон. – Видишь коробку? На ней нарисован лес и зайцы. С наполнителем тоже не так просто, Геруся предпочитает «Пикс-микс». Ты следишь за ходом разговора?

Я пожала плечами.

– Ничего непонятного не услышала.

– Шикарно, – потер руки хакер, – займемся Лерой, она дрыхнет в кресле.

Сообразив, что количество кошек увеличилось до трех, я вгляделась в сильно подранное кресло, увидела на подушке ком всклокоченной рыжей шерсти и удивилась:

– Ты говорил, что она Клепа!

– Так я и знал, – вздохнул Димон, – их все путают. Клепа давно ушла спать к Анфисе. Сейчас ты любуешься Лерой. Она на удивление покладиста, ласкова и готова сожрать все, что не приклеено. Но у Лерки аллергия, поэтому ей нужна жрачка «Антистресс», она стоит на буфете. Ок?

– Ок, – кивнула я, старательно фиксируя в памяти: Клепа – тунец и «Чистый хвост», Гера – кролик и «Пикс-микс», Лера – «Антистресс».

– В лоток ей насыплешь «Аромат розы», – бухтел Коробок.

– Йес, босс! – вытянулась я в струнку.

– Следующая у нас Ариадна, – объявил компьютерщик, – она на столике, у кастрюли. Эй, Аря, поздоровайся!

Рыжая тряпка, свисающая с плиты, неожиданно пискнула.

– Она самая умная, – похвастался Димон, – но капризная! Подавай ей лишь хрустики с паштетом, и с лотком она кочевряжится, любит гранулы «Фей», дороже их нет. Разобралась?

– Конечно, – храбро воскликнула я, – подумаешь! Четыре милые кошечки, каждая со своими заморочками. А как ты их отличаешь? Они абсолютно одинаковые.

– По лицу, – удивился Димон.

– Ага, – растерялась я, – здорово!

– Теперь о наборах! – зачастил Коробок.

– Подарочных? – хихикнула я. – Хочешь меня наградить?

– Не-а, – замотал головой компьютерный гений, – о едально-писательных. Клепа имеет пару розового цвета: миска – лоток, у Геры комплект синий, Лера пользуется зеленым, Ариадна красным. Ау, отреагируй. Не поняла? Повторю. В миску розового цвета кладешь тунец и «Чистый хвост», в голубую – кролик и «Пикс-микс». Ну и так далее.

– А как кошки еду от наполнителя отличают? – поразилась я.

Димон вытаращил глаза.

– Глупее вопроса не слышал. А как ты разбираешь, где котлета, а где туалетная бумага?

– Мясо я ем, а вторую использую в сортире, – протянула я.

– Во! Как это ни странно, кошки поступают так же, – заржал Димон, – Клепа хавает тунец и писает в «Чистый хвост».

– Ты секунду назад сказал: «В миску розового цвета кладешь тунец и насыпаешь «Чистый хвост», – напомнила я, – вот я и удивилась. Теперь мне понятно. Киса съедает всю рыбку и присаживается на гранулы.

– Тань, ты ку-ку? – оскорбился Коробок. – Кошка – самое чистоплотное животное на свете. Хорошо, что Клепа тебя не слышала! Корм бросают в МИСКУ, а гранулы в ЛОТОК. Они у Клепы розовые!

– А-а-а, – дошло до меня, – ясно. Ты специально подобрал разные цвета, чтобы не перепутать, где чья посуда!

– Фу! – выдохнул хакер. – Сергеева, у тебя в роду были жирафы? Можешь не отвечать, и так все ясно. Добрый вечер, Фиса!

У меня по спине пробежали мурашки. Как, еще одна киска?

– Опять ты поздно вернулся, – капризно ответил тоненький голосок, – а Марго в коридоре свой плакат повесила!

Я подпрыгнула. Говорящее животное?!

– Знакомься, Фиса, это Таня, она у нас временно поживет! – сообщил Димон и легонько пнул меня в бок.

Я стала искать на полу пятую рыжую кошку и наткнулись взглядом на две ноги, обутые в теплые тапочки. Вздох облегчения вырвался из груди: Фиса оказалась старушкой небольшого роста, одетой в темно-зеленый халат.

– Анфиса, – демократично представилась она, – если хотите чаю, наливайте без стеснения.

– Спасибо, – улыбнулась я.

– Заодно и нас напоите, – продолжила Фиса, усаживаясь за стол.

– Доктор Спок утверждает, что потребление жидкости после пяти вечера ведет к отекам и недоразвитости мозга, – прогремело от двери хорошо поставленное

меццо-сопрано.

– Доктор Спок педиатр, – парировала Анфиса, – американец. В США все с недоразвитыми мозгами. Империя зла, мировая капиталистическая система, готовая в любой момент напасть на Советскую Россию. Жаль, Хрущев по Кеннеди из ракет не жахнул. И почему я должна принимать советы идеологического врага, да еще доктора для детей? Дайте чаю! С сахаром и вареньем! Назло Споку!

– Очнись, Фиса, на дворе давно свобода, – не сдалось меццо.

Я потрясла головой и уставилась на вторую бабулю, вплывшую в просторную кухню.

– Прошу любить и жаловать. Маргоша. Маргоша, это Таня. Она здесь поживет немного, – быстро представил нас друг другу Димон.

Я лишь хлопала глазами. Четыре одинаковые кошки, каждая со своими едально-писательными привычками и личными наборами «миска – лоток», – еще куда ни шло, но две словно отлитые в одной форме старушки? Фиса и Маргоша, вероятно, близнецы, обе среднего роста, умеренной полноты, с круглыми лицами, чуть удлиненными, широко расставленными карими глазами, бровями-ниточками и волосами, тщательно уложенными при помощи бигуди. Угадайте, какого цвета были локоны бабулек? Абсолютно верно: сочного апельсина. Старушки маскировали седину хной и слегка перестарались с количеством краски.

– Она немая? – вскинула брови Маргоша. – Димочка, почему твоя жена молчит?

Хакер ткнул меня в бок.

– Таня, – пискнула я, – и я не супруга Коробкова, а коллега.

– До сих пор все многочисленные бабы, которых Димочка сюда притаскивал, представлялись его законными половинами, – с плохо скрытой язвительностью сказала Марго.

– Спать с коллегой запрещено моральным кодексом строителя коммунизма, – забеспокоилась Фиса, – вы член партии?

– Какой? – по глупости уточнила я.

Анфиса всплеснула руками.

– Димочка! Она диссидентка? У нас в стране, по счастью, одна партия! КПСС!

– Татьяна уже поняла, что ты со сдвинутой крышей, – перебила Анфису Марго, – КПСС давно нет.

– Я вчера по телевизору видела Ленина, – уперлась Анфиса.

– Кино крутили, – засмеялась Маргоша, – про вождя революции и Инессу Арманд, как они бедную Крупскую обманывали.

– Боже, боже, – зашептала Анфиса, – замолчи. Не говори глупостей. Арманд – развратная женщина! Так вы член КПСС?

Я покачала головой.

– Нет.

Фиса встала.

– Надеюсь, вы состоите в рядах ВЛКСМ?

Мне снова пришлось разочаровать старушку:

– Нет.

Маргоша села за стол.

– Слушай, Таня. У Фисы плохо с головой, для нее на дворе все еще семидесятые годы прошлого века. Не спорь с ней, и мы поладим. Я, в отличие от Анфисы,

нормальная, слежу за питанием и хожу в фитнес. Короче, завтра разбудишь меня в семь, дашь на завтрак мюсли с черникой и проводишь на занятия спортом. А сейчас советую всем разойтись по спальням, у нас отбой! Ты жена Димочки?

– Нет, – уже в который раз за вечер произнесла я.

– Тогда ты не ляжешь с ним в одну кровать! – заявила Маргоша.

– Господи, я и не собиралась, – испугалась я, – мы коллеги, друзья, у меня есть муж!

– А кому наличие мужа мешает развратничать? – насупилась Маргоша.

Димон схватил меня за плечо, выпихнул из кухни и протащил до вполне уютной комнаты с большой кроватью.

– Устраивайся, сюда никто без стука не войдет. Давай договоримся: ты ухаживаешь за кисами и не лаешься с бабульками. А я… ну, короче, живи тут сколько хочешь, вернется из командировки Гри, ему тоже места хватит.

– Спасибо, – пробормотала я, не понимая, повезло мне со временным пристанищем или нет.

– С утреца впрягаемся в работу, – перешел к другой теме хакер, – дело твое, я на подхвате, ты, как обычно, старшая.

– Дай будильник, – попросила я, оглядывая спальню, – без звонка я вовремя не проснусь.

– Не переживай, – легкомысленно отмахнулся Коробок, – вскочишь как миленькая ровно в шесть ноль семь!

Глава 5

В нос впились колючки, я взвизгнула и открыла глаза.

Обычно на новом месте я мучаюсь бессонницей, но вчера заснула, едва успев укрыться пуховым одеялом. Ночь прошла замечательно, а вот пробуждение оказалось странным. Прямо перед моим лицом маячила мохнатая морда, круглые глаза буравили меня взглядом, длинные усы стояли торчком.

– Ты кто? – прошептала я.

Существо вытянуло лапу, поставило ее мне на нос… В ноздри вонзились иголки.

– А-а-а, – заорала я и села, – ты кошка! Что за ерунда! Который час?

Я схватила мобильный, который заботливый Коробок вчера подключил к зарядке. Шесть десять! Так вот что имел в виду хозяин, произнося вчера перед сном: «Вскочишь как миленькая ровно в шесть ноль семь». Роль будильника в этой квартире исполняет одна из кисок.

– Уходи, – приказала я и рухнула на матрас.

Через секунду мохнатая лапа вновь очутилась у меня на носу. Поскольку я здесь на правах гостьи, то не посмела вытолкнуть наглое животное за дверь, а натянула на голову перинку и начала сладко посапывать. Конечно, душно, зато спокойно.

В нос опять вцепились иголки – киса ухитрилась просунуть лапу под одеяло.

– Отстань, – прошептала я, пытаясь вытолкнуть вражескую конечность наружу, – имей совесть!

В ту же секунду меня укусили за пятку. Я изумилась: если наглое животное хватает меня за нос, то как оно могло впиться зубами в мою ногу? Пришлось снова сесть. Сразу стало понятно: кошек две.

– Что вы хотите? – безнадежно спросила я.

Рыжие бестии, задрав хвосты, прошествовали к двери. Меня осенило: кошки требуют завтрак, лучше насыпать им корм и вернуться в кровать. Конечно, вскакивать в несусветную рань совершенно не хочется, но мне, похоже, не дадут мирно подремать.

Очутившись на кухне, я нашла четыре разноцветные миски, отыскала разные пакеты с кормом, натрясла из каждого немного «хрустиков» и поставила еду на пол. Кошки похожи, словно яйца. Кто из них Клепа, где Гера, Лера и Ариадна, остается за гранью моего понимания, пусть сами разбираются!

– Хочу мюсли, – заорала Маргоша, врываясь на кухню, – с черникой!

Я вздрогнула. Сегодня на старушке был темно-синий спортивный костюм с капюшоном, а голову прикрывала бейсболка.

– Мюсли! – требовательно постучала по столу бабка. – Энергетический заряд! Коробка красного цвета! Бери белую пиалу и брось в нее полстакана хлопьев.

Я машинально выполнила приказ и поставила завтрак перед Маргошей. Она схватила ложку и спустя секунду заявила:

– Странненько. Сегодня завтрак какой-то другой.

– Невкусный? – заботливо спросила я.

– Наоборот, – с полным ртом ответила Маргоша и закричала: – Фу! Стой!

Я замерла на месте.

– Не двигайся! – вопила бабка.

– Я даже не дышу, – ответила я.

– При чем здесь ты? – удивилась Маргоша. – Я Лерой командую! Ну кто поставил миски на пол?

– А куда надо? – насторожилась я.

– Клепе на подоконник, Гере на табурет, Ариадне на мойку, а Лерке на диван, – объяснила Маргоша, – Лера без стоп-сигнала, сейчас бы она все слопала в одну морду, а остальные остались бы голодные.

Я заметалась по кухне, пытаясь оживить в памяти инструкции Коробка. Клепе в розовую миску тунец, Гере в синюю кролика или в зеленую «Антистресс»? Нет, нет! Я напутала. Клепе «Чистый хвост» в блестящую посуду с ручкой! Минуточку! Наполнитель не едят, я сейчас схватила сковородку. Вчера все казалось простым, а сегодня невыполнимым. Спокойно, Танечка, возьми себя в руки.

Я сделала глубокий вдох-выдох и оглядела кошачью стаю. Интересно, кто из них обжора Лера, объевшая коллег по стае? Значит, так! Про наполнитель временно забываю. Сосредоточиваюсь на корме. Клепа! Розовая миска с тунцом.

Я повернулась к коробкам на буфете.

– Дай еще мюсли, – потребовала Маргоша.

Думая исключительно о кошачьем завтраке, я, не глядя, схватила упаковку с овсяными хлопьями, натрясла немного в белую пиалу, вернула ее Маргоше и громко сказала:

– Клепа! Тебе тунец в синюю посуду, жрать будешь на подоконнике.

– Отличные мюсли, – похвалила Маргоша, – сделай одолжение, запомни название фирмы-изготовителя и впредь покупай для меня исключительно ее продукцию. Давно не едала таких свежих, ароматных, приятно хрустящих хлопьев. Вечно они мягкие, смахивают на переваренную капусту!

Продолжая активно нахваливать замечательный завтрак, Маргоша пошла было к двери, но на пороге притормозила и неожиданно спросила:

– Сколько мне лет? Определи по внешнему виду!

Бабка выглядела на шестьдесят, но я смело предположила:

– Пятьдесят?

– Ха! – топнула ногой Маргоша. – Мне семьдесят пять! Занимайся фитнесом, перейди на здоровое питание – и станешь в свои сорок пять на тридцать выглядеть. Лишний вес! Он тебе нужен?

Вопрос Маргоша задала, не ожидая ответа. Пока я пыталась вернуть на место свою отвисшую челюсть, престарелая спортсменка улизнула в коридор. Я медленно оценивала услышанное. Марго семьдесят пять? Потом пришло возмущение: мне до сорока пяти еще далеко! Может, начать есть мюсли? Взгляд переместился на коробочку, из которой только что в белую пиалу я высыпала хлопья: надо и впрямь запомнить название чудо-продукта.

Я прищурилась и прочитала текст, напечатанный на бордовом фоне белыми буквами: «Антистресс. Корм для капризных кошек с излишним весом. Содержит малое количество жиров, способствует нормализации обмена веществ, повышает упругость шерстяного покрова, укрепляет когти, придает энергию, сохраняет свежим дыхание и уничтожает кишечных паразитов».

В первую секунду меня обуял ужас. Я накормила старушку кормом для Леры! Во второе мгновение мне захотелось помчаться за Маргошей и отвезти ее к врачу на промывание желудка. Но потом я слегка успокоилась. Кошки выглядят здоровыми, значит, Лере хрустики идут на пользу. Ну чем Марго отличается от киски? Разве что у бабки отсутствует хвост. Похоже, ей от сухого корма дурно не стало. Хорошо, забуду про семидесятипятилетнюю фанатку спорта и переключусь на кошек.

– Тань, как спала? – поинтересовался Димон, всовываясь на кухню.

– Отлично, пока чья-то лапа не цапнула меня за нос, – призналась я.

– Это Ариадна, – хохотнул хакер, – кошмар нашего дома. Ты их покормила или запуталась?

Я искоса посмотрела на стаю. Простите, девочки. Если скажу правду, Коробок будет без устали подтрунивать надо мной.

– Конечно, – спокойно соврала я, – ничего сложного. Давай заниматься работой.

– Только умоюсь и кофе глотну, – засуетился Димон.

Я снова обозрела понурую стаю и пообещала:

– Вечером получите двойную порцию. Знаю теперь, как поступить, к концу дня не будет проблем с вашей едой. Будьте умницами, ложитесь баиньки, не выдавайте меня.

Выпив вкуснющий кофе, сваренный Димоном, я отдавала приказ:

– Ищешь информацию на семью Киселевых, собираешь данные о Лене и Викторе. А я отправлюсь на встречу с Еленой и попробую тщательно ее порасспрашивать.

– Есть, мой генерал! – оттарабанил Димон. – Ваш верный Мухтар помчит по следу за куропаткой.

Лена не рассердилась на мой ранний звонок, наоборот, воскликнула:

– Можете приехать ко мне на работу? У нас в подвале буфет для ходячих больных и сотрудников, там и поговорим. Кстати, от метро до торгового центра «Риф» ходит бесплатный автобус. Садитесь в него, докатите прямо до нужного места. Клиника за углом магазина. Зачем за проезд платить, если можно задаром добраться!

* * *

– Быстро доехали, – похвалила меня Лена, усаживаясь за столик.

– Исключительно благодаря вашему совету, – улыбнулась я, – на рейсовые маршрутки очереди, а на бесплатный транспорт – всего пара человек.

Лена с довольным видом кивнула.

– Когда имеешь небольшую зарплату и дочку-школьницу, надо экономить. Нас в отделении восемь медсестер, получаем почти одинаково, подрабатываем, но все равно денег не хватает. Шесть сотрудниц постоянно в долгах, то здесь попросят, то там перехватят, а мы с Соней Власовой до получки дотягиваем. Знаешь, почему у нас это получается? Ой, извини, что на «ты» перешла.

– Отлично, – кивнула я, – на «вы» слишком официально.

– Давай без реверансов, – обрадовалась Лена. – Могу объяснить свои принципы выживания. Я никогда не беру в долг! Деньги быстро испарятся. Знаешь, как говорится, берешь чужие и на время, а отдаешь свои и навсегда.

– Верно, – кивнула я.

– Составь план, – продолжала Лена, – исходи не из желаний, а из суммы, которую имеешь. Вот у меня со всеми левыми и правыми в месяц набегает двадцать восемь тысяч. Сначала я вычитаю коммуналку, электричество, газ. Затем непременно откладываю пять тысяч. Это святое. Коплю на отпуск и подарки Анечке на день рождения, Новый год. Еще две тысячи ежемесячно помещаю на особый счет с выгодными процентами, на государство надежды нет, собираю себе на пенсию. Потом затыриваю в коробку рублики на еду. Понимаешь? Счета оплачены, заначка собрана, жрачка обеспечена. То, что осталось, можно пустить на развлечения.

– И много остается? – грустно спросила я.

– Пара тыщ, – вздохнула Лена, – можно в кино сходить или купить чего. Если честно, я эти деньги Ане отдаю, пусть развлекается, пока молодая.

– Ты забыла про транспортные расходы и покупку одежды, – вздохнула я.

Собеседница обрадовалась.

– Вот! Самое главное: не трать там, где не надо. В метро можно мимо контролера в толпе прошмыгнуть, я научилась. От подземки до работы идет

бесплатный автобус. Отличные шмотки легко за бесценок найти в «Стоке». Обедаю и ужинаю я в больнице и еще домой еду приношу. Больные капризные, им обычно родственники домашнюю еду приносят, а у нас вкусно готовят. Поэтому особенно на продукты не трачусь. Главное: план и умение отыскивать дешевый товар.

– Я так не умею, – призналась я. – Зайду в магазин, накуплю всякой ерунды, вернусь домой и понимаю: денежки тю-тю, а я ничего стоящего не купила.

– Вот наши девки тоже транжиры, – покачала головой Лена, – а мы с Аней в Турцию скатались аж на две недели. Расчет – план – самоограничение. Я всегда четко иду к поставленной цели.

– Стоит позавидовать такой силе воли, – восхитилась я. – Значит, ты вознамерилась найти биологических родителей девочки?

– Да, – подтвердила Лена, – увидит Аня, какие они алкоголики-нищие, и поймет, что неродная мать – самая лучшая.

– Попытайся вспомнить, что тебе рассказывала директор детдома о найденыше, – попросила я.

Лена обхватила пальцами чашку с чаем. Кстати, напиток нам налили бесплатно. Моя собеседница подмигнула буфетчице, а та поставила на поднос чайничек и положила на тарелку две плюшки, не требуя денег.

– Влада Сергеевна – хорошая женщина, – сказала Киселева, – она сейчас на пенсии. Когда мы забирали Аню, мне показалось, что директриса знает о воспитаннице больше, чем говорит. Может, тебе самой с ней потолковать? Я ничего нового не сообщу. Хочешь, звякну Ильченко?

– Было бы здорово, – обрадовалась я.

Лена протянула руку.

– Дай свой мобильный, мой разрядился.

Я протянула ей трубку. Умение не тратить зря ни копейки доведено Киселевой до совершенства: если можно воспользоваться чужим сотовым, она непременно это сделает. На секунду мне стало неприятно, но я усилием воли подавила возникшее ощущение. Работа есть работа, я обязана ее выполнять, мне совсем не обязательно любить и жалеть Лену, даже наоборот, расположение к клиентке помешает расследованию.

– Влада Сергеевна дома, ждет тебя, – сказала Лена, возвращая мне трубку, – езжай прямо сейчас. Почему булочку не ешь?

– Пытаюсь держать диету, – пояснила я.

– Возьму для Ани, – обрадовалась Лена и завернула плюшку в бумажную салфетку.

Я пошла к выходу и через пару шагов обернулась. Киселева сосредоточенно заматывала булочку в бумагу. Скорей всего, придя домой, она аккуратно распеленает булочку и угостит Аню. Потом стряхнет с салфеток крошки и спрячет их в кухонный ящик. Зачем зря тратить деньги, если нужную вещь легко получить задаром?

Глава 6

Влада Сергеевна передвигалась по квартире, опираясь на палку.

– Суставы подводят, – пожаловалась она, – врачи предполагают операцию, говорят, после нее народ бегает, но я опасаюсь – вдруг еще хуже станет. Чем я могу вам помочь? Лена была очень взволнована и ничего толком не объяснила.

– Вы дружите? – спросила я, устраиваясь в продавленном кресле.

– Пару раз в год перезваниваемся, – без тени улыбки ответила Влада Сергеевна. – Рождество, Восьмое марта, дни рождения. Вряд ли это можно назвать дружбой.

– Вы общаетесь с другими людьми, которые взяли детей на воспитание? – продолжила я.

Влада сложила руки на коленях.

– Я работала не в доме малютки, а в интернате, куда малыши поступали в возрасте трех лет. Основная масса бездетных пар хочет иметь младенцев. Чем старше ребенок, тем меньше у него шансов попасть в семью. А если он еще и болен, то сами понимаете… В пять лет девочки бойко болтают и готовятся поступать в школу, но Аня – особый случай.

– Вы помните, как нашли ребенка? – спросила я.

Влада Сергеевна опустила глаза.

– Смутно.

– Вам часто приводили детей и бросали на крыльце? – не успокаивалась я.

– Нет, – выдавила директриса.

– Сколько таких случаев было за вашу практику? – наседала я.

– Один, – прошептала Влада.

– И вы забыли детали? – всплеснула я руками.

Влада оперлась на палку.

– Ладно, расскажу. Прошло много лет, я уже на пенсии, да и наказывать, по сути, меня не за что. Я помогла хорошему человеку исправить ошибку, устроила Анину судьбу и осчастливила Киселевых. Ни копейки ни с кого не взяла. Видите, как я живу? Думаете, правда боюсь операции? Я о ней мечтаю, да денег нет. Поэтому и придумываю про страх, не хочется в нищете признаваться.

– Что вы сделали? – резко спросила я.

Влада Сергеевна поморщилась и вытянула ногу.

– Раньше по соседству со мной в квартире жили Гвоздевы, мать и сын. Юра человек мягкий, даже нерешительный, а Степанида Андреевна – полная ему противоположность. Сына она обожала, пылинки с него сдувала, любую женщину, которая на Юру покушалась, живо от дома отваживала. Юра с мамой не спорил, боялся ее расстроить. Степанида Андреевна отличный педиатр, еще в советские времена имела обширную частную практику. Сейчас, несмотря на возраст, она продолжает работать, владеет клиникой «Светлое детство».

– Это их реклама по всей Москве развешана? – воскликнула я. – Билборды с изображением очаровательного малыша и подписью «Ваш ребенок – наша любовь»?

– Точно, – кивнула Влада, – Юрий – главврач клиники. У Гвоздевых огромный центр, больница, несколько аптек. Говорят, Юра остался прежним, несмотря на богатство: тихий, милый, уступчивый, а у его матери по-прежнему железная рука и стальная воля, сын у нее под каблуком.

– Думаю, из Степаниды Андреевны получилась бы замечательная свекровь, – усмехнулась я.

Влада махнула рукой.

– Юра не женат, все свободное и рабочее время проводит с матерью. Обычно такие авторитарные дамы сами выбирают сыночку жену и заставляют родить внуков. Но Степаниде никого, кроме Юрия, не надо.

– Неужели он живет монахом? – усомнилась я.

Влада Сергеевна кивнула.

– Вы попали в точку. Юра нашел способ выползти из-под ее каблука. Подробности мне неизвестны, сколько у него любовниц, я тоже понятия не имею, могу лишь рассказать о его дочери.

Я округлила глаза.

– Юра ухитрился втайне от Цербера стать отцом?

Влада Сергеевна засмеялась.

– Не такой уж он простой оказался.

Я положила ногу на ногу и внимательно слушала пространный рассказ бывшей директрисы приюта.

Десять лет назад Влада Сергеевна поддерживала хорошие отношения со своими соседями по подъезду Гвоздевыми. Степанида строила медцентр, Юра постоянно мотался по поручениям матери в разные города. Педиатр отлично понимала: дубовыми полами, красивой мебелью и блондинками на рецепшен никого не удивить. Чтобы клиника стала популярной и прибыльной, нужны опытные врачи, вот Степанида и разыскивала таких. Юре вменялось в обязанность ездить туда, где жил очередной кандидат на должность, проводить собеседования, и, если у сына складывалось благоприятное впечатление, мать была готова предложить специалисту работу в столице.

В тот памятный вечер Влада уже собиралась спать, когда к ней в квартиру позвонил Юра и зашептал: «Бога ради, помогите! Не знаю, что делать! Катастрофа. Мне не к кому обратиться. Дело очень щекотливое. Я пропал».

Директор интерната ни разу не видела соседа в подобном состоянии и предположила: «Степанида Андреевна заболела?» Простой вопрос вверг Юру в ужас. «Только ни слова маме! Она меня убьет». – «Да что случилось?» – изумилась Влада Сергеевна.

Юра сел на диван, обхватил голову руками и изложил невероятную историю.

Шесть лет назад он познакомился с Олесей из города Бодольск. Юра столкнулся с девушкой в магазине, куда отправился за продуктами. Он рылся в холодильнике, отыскивая подходящий кусок мяса, рядом с ним тем же занималась симпатичная блондинка. Они обменялись случайными взглядами. Амур не дремал, он выпустил стрелу из лука. Юра проводил Олесю до Бодольска, благо ехать до подмосковного городка было не так далеко. Степанида, занятая с подрядчиками, временно ослабила вожжи, сын получил относительную свободу.

Бурный роман длился несколько месяцев, потом Олеся спросила: «Ты не хочешь сделать мне предложение?» – «Ну… в принципе… – замямлил Юра, – так… кхм». – «Начинай! – улыбнулась любовница. – Не бойся, я не откажу».

Юра растерялся, а Олеся удивилась: «В чем дело?» – «В моей маме, – нехотя признался мужчина, – она никогда не даст согласия на наш брак». – «Не волнуйся, – засмеялась Олеся, – я отлично лажу с людьми и сумею понравиться свекрови». – «Нет, – не согласился Юра, – моя мать всегда говорит: «Выбирай, сын, я или она». – «Ну и на ком ты остановишься?» – провокационно поинтересовалась Олеся.

Юра продолжал мямлить: «Ну… по сути… я тебя люблю… очень… мама… она… все для меня… ну… вот… вот… ну…» Олеся пожалела загнанного в угол кавалера. «Ладно, принесем ей внука, и она растает». – «Нет! – испугался Юра. – Мама детей не любит!» – «Она же педиатр! – изумилась Олеся. – Детский врач обязан обожать малышей». – «Вовсе нет. Он должен их правильно лечить», – уточнил Юра. «Короче, шансов на семейную жизнь у нас с тобой нет?» – подвела черту Олеся. «Нам и так хорошо, – залебезил Юра, – давай ничего не менять». – «Ладно», – согласилась девушка.

Через неделю Юра приехал в Бодольск и наткнулся в квартире любимой на незнакомую девицу, которая заявила:

– Олеся уехала. Куда, понятия не имею. Сдала мне «однушку» и умотала. Тебе просила передать: «Если ты не способен сделать выбор, то я сама его сделала. Прощай, не ищи меня».

Юрий вернулся домой, горевать не стал, постарался поскорее забыть Олесю. Его пугали девушки, желающие во что бы то ни стало заполучить штамп в паспорте. Шли годы, Юра вычеркнул Олесю из памяти, но два дня назад Гвоздеву позвонила женщина и, представившись Ниной, попросила приехать в Бодольск. «Что я там забыл?» – попытался открутиться Юра. «Олеся просила посылку передать, – прозвучало в ответ, – если сам не заберешь, я ее привезу и отдам твоей матери вместе с письмом от несостоявшейся невестки. Думаю, содержание послания ей не понравится».

Юра испугался и на следующее утро под благовидным предлогом рванул в Бодольск.

Нина не обманула. Едва Юрий очутился в крохотной прихожей, она протянула ему серый конверт. «А где посылка? – нервно спросил Гвоздев. – Что в ней?» – «Сначала читай, потом любопытствуй», – мрачно заявила Нина.

Гость пробежал глазами по короткому тексту. Листочек пожелтел, но буквы, напечатанные на принтере, были хорошо видны. «Юра! Я долго колебалась, сообщать ли тебе, трусу, правду, но решилась на откровенность. Я родила дочь Аню, это и твой ребенок. Если сочтешь нужным, можешь ей помогать материально. Не захочешь иметь с девочкой ничего общего, я не обижусь. Я сама могу воспитать и прокормить девочку, но считаю непорядочным утаивать от тебя факт ее существования. Олеся». – «Какая девочка?! – возмутился Юра. – Мы не виделись больше пяти лет». – «На дату посмотри, – приказала Нина, – Леська записку составила давно, но тебе не отправила. Я ее нашла, когда вещи бабы Веры перекладывала. Ну и подумала, может, сжалишься над девкой? Ее и так Господь обидел. Запихнут на всю жизнь в интернат, а ты богатый, с деньгами, связями». – «Какая баба Вера?!» – напрягся Гвоздев.

Нина обрушила на маменькиного сыночка лавину информации.

После рождения Ани Олеся временно уехала в деревню Каскино, там жила ее бабушка, простая деревенская старуха, еще вполне крепкая, чтобы нянчить правнучку. Олеся сдала квартиру в Бодольске, она планировала полгода кормить девочку грудью, а потом, оставив ее на временное попечение бабы Веры, выйти на работу.

Но через три месяца Олеся скоропостижно скончалась, бабка осталась с Аней одна. Пять лет девочка провела в деревне, а неделю назад ее прабабушка тихо умерла от старости. Нина – дальняя и единственная родственница старухи, она поехала в село, чтобы похоронить бабу Веру, и нашла в избе голодную грязную Аню. На тот момент Каскино считалось умирающим населенным пунктом, кроме бабы Веры, в нем жило еще три старухи, которые даже не могли вспомнить, как их зовут. В вещах бабки не нашлось никаких документов девочки, но на дне чемодана, где она держала «смертный наряд», лежал конверт с именем, фамилией, адресом и телефоном Юры. «Короче, вот твоя дочь, – объявила Нина и крикнула: – Анька!»

Из комнаты вышла девочка, светловолосая, голубоглазая. Юра вздрогнул. Аня походила на его детские снимки и как две капли воды напоминала Олесю. А еще

у девочки был взгляд Степаниды, слишком суровый для ребенка.

Нина дернула Аню за плечо. «Как тебя зовут?» – «Аня», – сообщила крошка.

Юра присел на корточки перед ребенком. «А фамилию назовешь?» – «Аня», – покорно ответила девочка.

Гвоздев решил, что она смущается, повторил вопрос и услышал тот же ответ. «Можешь не стараться, – остановила врача Нина, – это единственное слово, которое девка способна произнести. Кстати, она сегодня впервые увидела зубную щетку, электрочайник и работающий телевизор». – «Где расположено Каскино?» – поразился Юра. «Неподалеку от Бодольска», – пояснила Нина. «Каким образом в ближнем Подмосковье могла вырасти Маугли? – воскликнул Юра. – И с чего вы решили, что она моя дочь?»

Нина мрачно усмехнулась: «Другой реакции от подлеца ожидать нечего. Я уже объясняла: в Каскине жили три калеки. Бабе Вере сто лет с малым перед смертью исполнилось. Посчитай-ка, сколько старухе натикало, когда она вдвоем с правнучкой осталась? Читать бабка не умела, всю жизнь в огороде и со скотиной провозилась. Ни одной книги или даже газеты в ее избенке не нашлось. Пенсия у старухи копеечная, Вера выживала за счет огорода, в Бодольск не ездила, очень дорого и суетно. У нее даже мыла не было, бабка вместо него золой пользовалась. Летом на огороде, в душе купалась, а зимой в баню ходила, за пятнадцать километров от дома. Но с малышкой столько не протопать. Поэтому старуха с ребенком в холодное время года даже не умывались». – «Почему?» – прошептал Юра. «Вода в колодце, – снисходительно пояснила Нина, – а он не во дворе, один на все село, каково с ведрами по сугробам переть? Вот и обходились кое-как. Электрочайник слишком дорогая забава, телик у бабки давно сломался, дальше продолжать? Тебя еще удивляет, что Аня Маугли? Старуха девочкой не занималась, отпускала ее утром, как кошку, гулять, вечером спать укладывала. Откуда речи взяться, если малышка ее и не слышала? Весь ее мир ограничивался пределами Каскина и полунормальными бабками». – «Что ты от меня хочешь?» – спросил Юра.

Нина засмеялась и указала на молчавшего ребенка: «Не понял? Знакомься, дочь Юрия Гвоздева. Олеська из гордости тебе о беременности не сообщила, очень уж непростой у нее характер, сказала мне: Юра матери боится, та ему никогда на простой девушке из Бодольска жениться не разрешит, сама воспитаю Аню». И свалила в Каскино с младенцем. Забирай девочку».

Хоть Юра и пережил шок, но не потерял до конца способности логично мыслить, поэтому ответил Нине: «Документов у ребенка нет, почему ты уверена в моем отцовстве?» – «Письма мало?» – нахмурилась Нина. «Не слишком убедительная деталь, – кивнул Юра, – на бумаге любую чушь нацарапать можно». – «Разуй глаза! – обозлилась Нина. – Она твоя копия!» – «Блондинка, – не сдался Гвоздев, – и все дела. Что тебе от меня надо?» – «Забирай девочку и воспитывай, – повторила Нина, – удочери бедняжку, ей полной мерой нищеты досталось».

Юра, успевший прийти в себя, парировал: «Сирот на свете много, но это не значит, что я обязан приголубить каждого. Попытка всучить мне дитя не удалась. Прощай и больше никогда мне не звони». – «Хорошо, – неожиданно сговорчиво ответила Нина, – уезжай, но знай: завтра я отправлюсь в газету «Болтовня» и продам им историю об известном педиатре, который обожает детей, имеет вместе с матерью на паях огромный медцентр для малышей и бросил родную дочь. «Болтовне» письма Олеси и моего рассказа вполне для серии репортажей хватит. Шикарная реклама для клиники Гвоздевых!» – «Ты этого не сделаешь!» – испугался Юра. «Да ну? – скривилась Нина. – И кто мне помешает?» – «Никто тебе не поверит!» – рявкнул врач. «Ложки нашлись, а осадок остался, – отбила подачу Нина, вспомнив старый анекдот. – А еще скатаю к Степаниде Андреевне и покажу ей это!»

Нина сунула в руку Юры небольшой альбом, врач машинально открыл его и замер. На первой странице красовалось фото: он и Олеся, обнявшись, стоят на фоне фонтана. Где и кем был сделан снимок, Юра не помнил, но выражение лиц не оставляло ни малейших сомнений в отношении чувств, которые испытывали друг к другу эти двое. «Короче, даю тебе двое суток на раздумья, – заявила Нина, – или забираешь девочку, или я действую по намеченному плану. Интересно, как отреагирует Степанида Андреевна на Аню? И что скажет, прочитав материал в «Болтовне»?»

Несмотря на зрелый возраст и статус главврача крупного медцентра, Юра боялся мать до одури. Степанида умела так глянуть на проштрафившегося сына, что у того тут же начиналась тахикардия. Впрочем, с учащенным сердцебиением можно справиться при помощи валокордина, гораздо больше Юра боялся доставить маме переживания. Вот почему он примчался к Владе Сергеевне с просьбой: «Возьмите девочку, пусть она живет в детдоме».

Директор попыталась разумно объяснить Юре невозможность этого, но сосед словно с цепи сорвался. Он умолял, чуть не плакал, кивал на не очень крепкое здоровье Степаниды Андреевны, заламывал руки и в конце концов предложил: «Давайте договоримся: вы пригреете Аню, а я обеспечу всем вашим воспитанникам полное обследование здоровья в своем центре, на самой современной диагностической аппаратуре».

Влада Сергеевна решила не упускать шанса и выдвинула встречное требование: «Я займусь устройством судьбы Ани, а ты прикрепишь моих ребят к своей клинике. Это будет не разовая акция, а постоянное наблюдение. Можешь представить это как благотворительность».

Юра скрипнул зубами и согласился. Он смотался в Бодольск, тайком привез Аню в Москву и передал ее соседке. Директор незаметно провела девочку в детдом и сообщила сотрудникам: «Она сидела на крыльце, малышку нам подкинули».

Через пару дней Влада Сергеевна случайно столкнулась у могилы Евдокии с Киселевым и предложила ему удочерить Аню.

Поведав почти без передышки эту историю, она замолчала.

– Но почему именно Киселевы? – удивилась я.

Влада объяснила:

– Они хотели девочку, мечтали о ребенке. Виктор произвел на меня впечатление человека, способного адаптировать Аню. Мы не отдаем воспитанников просто так, не суем их, как котят в переходе, по принципу «забери от меня, а дальше делай что угодно». Непременно проводим несколько собеседований, стараемся понять, какие цели преследуют будущие родители. Мотивация-то у всех разная: одни хотят иметь стакан воды в старости, другие мечтают прославиться как семья гениального математика или музыканта, третьи пытаются при помощи малыша склеить треснувший брак. Большинство людей думает о себе, а не о ребенке, такие родители не станут учитывать его желания, будут ломать и подгонять малыша под свою мечту. К сожалению, довольно часто приемные родители возвращаются с претензиями в интернат, говоря: «Мы представляли малышку в бантиках, которая будет нас любить, целовать, а она грубит и не слушается. Возьмите ее назад».

Я думаю: если Господь не дает кому-то чадо, то не следует спорить с его волей, он знает, что делает. Но Лена и Виктор казались мне людьми, которые желают помочь ребенку, а не себе. Аня нуждалась в таких маме с папой.

– Значит, у Киселевой есть отец и бабушка? – уточнила я.

Влада Сергеевна кивнула:

– Да, и они богатые люди, известные врачи, благотворители.

– Согласитесь повторить эту историю Юрию в глаза? – спросила я.

Влада Сергеевна забеспокоилась:

– Зачем? Аня может сдать анализ ДНК, который подтвердит либо опровергнет отцовство Гвоздева. Меня не надо вмешивать, я инвалид с костылем.

Глава 7

Едва выйдя от приветливой пенсионерки, я набрала номер Коробка и потребовала:

– Необходим сбор и проверка новой информации.

– Заявление по форме «А-один» в пяти экземплярах, – ответил Димон, – три печати, два штампа, восемь копий.

– Прости? – не поняла я.

– Я плохо пошутил? – расстроился Димон. – Слушай, ты в курсе, какие мюсли требует Маргоша? Она мне телефон оборвала!

Я вспомнила про коробку «Антистресса» для капризных тучных кошек и быстро ответила:

– Выбрось из головы, я сама куплю. Сосредоточься на работе. Гвоздев Юрий. Шестнадцать лет назад имел связь с девушкой Олесей из Бодольска. Есть предположение, что она родила от него девочку и уехала в деревню Каскино к своей бабушке Вере. Вероятно, ее ребенок и есть Аня Киселева. Оценил фронт работы? Да, чуть не забыла, у Олеси есть родственница Нина. Все.

– Фамилия Олеси? – спросил Димон.

– Не знаю, – ответила я.

– Место ее работы?

– Понятия не имею.

– Адрес?

– Не слышала, – «обрадовала» я Коробка.

Но нашего компьютерного гения трудно смутить.

– Хорошо хоть город можешь назвать, – весело прокомментировал он, – Бодольск сужает круг. Будь она Олесей из России, дело оказалось бы сложнее. Может, о бабушке чего известно?

Я порылась в памяти.

– Она умерла в глубокой старости.

– Отлично. Скончайся тетушка в ранней юности, не быть бы ей бабкой, – подхватил Димон. – Полагаю, о Нине ты тоже знаешь массу интересного?

– Нина, просто Нина, – буркнула я.

– Ну прямо Джеймс Бонд, просто Бонд, – восхитился Коробков, – задание понял, пускаю собак по следу, а ты, голубка сизокрылая, не забудь про мюсли. Маргоша упорная, она меня почти на бруски распилила.

– Уже вошла в супермаркет, – остановила я Коробка и сунула мобильный в карман.

Продовольственный магазин находился на первом этаже большого торгового центра. Я обрадовалась, сейчас приобрету все необходимое, а нужны мне ленточки разного цвета, набор фломастеров и блокнот. Не спрашивайте зачем, потом объясню. Еще хорошо бы найти четыре банки: розовую, голубую, зеленую и белую.

Похоже, у меня сегодня день безграничного везения. Ленточки я приобрела без проблем, фломастеры и блокнот тоже долго не искала, а поллитровая тара всех цветов радуги обнаружилась в лавке с вывеской «Лучшие подарки».

В отличном настроении я пошла искать магазин для животных, и он тут же попался мне на пути. Стоит ли говорить, что яркая коробка «Антистресса» была первой, что бросилась в глаза.

Вооружившись упаковкой, я вскрыла ее, вытащила несколько хрустиков, завернула их в бумажную салфетку, пришла в супермаркет, отыскала свободного продавца и спросила:

– Где здесь мюсли?

– Вы стоите перед ними, – любезно ответил парень. – Какие желаете?

Я развернула белую бумагу и протянула юноше ее содержимое.

– Они должны выглядеть вот так и иметь похожий вкус.

Консультант кивнул.

– Разрешите попробовать?

– Угощайтесь, – милостиво согласилась я и добавила, посмотрев на бейджик, прикрепленный к пиджаку менеджера: – Ешьте, Саша, на здоровье.

Александр интеллигентно взял сухарик, задумчиво пожевал, потом вскинул брови.

– Вкусно.

– Вот и моей бабушке понравилось, – сказала я, – давайте подберем похожий корм для старушки. В смысле мюсли.

– Но вот же они, – логично заметил Саша, – вы держите их в руке.

Я смутилась. Не очень к месту признаваться, что «мюсли» – сухой корм для капризных котов, склонных к ожирению.

– А-а-а, – вдруг обрадовался парень, – вы купили еду за границей и угостили бабку.

– Точно! – с радостью согласилась я.

– Мой приятель похожую глупость совершил, – участливо продолжал Александр. – Приобрел в дьюти-фри на сдачу сок и отдал маме. Та выпила, и все! Другого ей не надо! Колька мамахен объясняет: «Не производят его в России». А она: «Ну ты же один раз купил, просто не хочешь мне угодить».

– Что посоветуете? – улыбнулась я.

Саша кашлянул.

– Вам повезло. В магазине три дня идет акция, мы рекламируем сухие завтраки. Наш народ привык хавать бутеры с колбасой, яичницу, а не полезные изделия с витаминами. Хотим подтолкнуть пипл к здоровому образу жизни, а то у нас продажи по коробкам почти нулевые. Видите, возле каждого вида продукции стаканчики? Можно бесплатно брать оттуда содержимое и жевать. Точно найдете нужное.

– Отлично! – обрадовалась я, и мы вместе с консультантом пошли вдоль полок, самозабвенно запуская пальцы во все рекламные образцы.

На десятом я захотела пить, на пятнадцатом ощутила тошноту, двадцатая разновидность хлопьев, камнем плюхнувшись в желудок, почти убила меня.

– Пока ничего похожего, – признал Саша. – Я давно заметил, америкосы нам дерьмо отправляют. Хорошее себе оставляют, а в Россию скидывают то, что у них даже кошки не жрут.

Я поперхнулась очередной порцией хрустиков, вытащила из сумки бутылочку воды, запила еду и была чуть не сбита с ног малышом, который с воплем: «Хочу подушечки с пиратами!» – вихрем влетел в узкое пространство между стеллажами.

Ребенок ткнул меня головой в живот. Я не могу похвастаться хрупким телосложением, но мальчик тоже оказался упитанным. Чтобы не упасть, я схватилась за Сашу, нам удалось удержаться на ногах, но из моих рук выпал пакет с кошачьим кормом. «Сухарики» веером разлетелись по полу.

– Как тебе не стыдно! – закричала молодая женщина в белой кожаной куртке.

Она приказала сыну:

– Немедленно извинись!

Малыш не стал спорить, он послушно прошепелявил: «Большое извините», присел и начал аккуратно подбирать коричневые комочки.

– Брось, кака! – разозлилась мамаша, схватила сынишку за шиворот, рывком поставила на ноги и потащила подальше от зоны бедствия.

Саша всплеснул руками.

– Вот жалость! – Он нагнулся, поднял коробку и любезно предложил: – Могу по базе название фирмы-изготовителя прогнать и выяснить, поступает ли товар в Москву.

– Спасибо, не надо, – попыталась я притушить активность Александра, но тот продолжил:

– Хорошая новость! Есть инструкция на русском, значит, это экспортируется в нашу страну. «Насыпайте порционно в зависимости от веса и возраста кошки. Помните, что у животного должен быть свободный доступ к чистой воде». Что это? Вау! «Антистресс» для капризных котов с проблемами ожирения». Это же корм для… А!!!

– Незачем орать, – попыталась я заткнуть Сашу.

– Я жрал кошачьи сухари! – не утихал консультант. – Жуть! Гадость! Меня тошнит!

Я выхватила у парня упаковку.

– Успокойся! Еда произведена в Америке, видишь, внизу маленькими буковками написано: «Изделие прошло тщательный медицинский контроль и не тестировалось на животных».

Не успела я озвучить текст, как в мозг поступил сигнал. На ком еще могли опробовать еду для кошек, кроме как на самих кошках? Или у американцев с этой целью используются люди? Абсолютно идиотское предположение, в США трясутся над гражданами. Хотя там теперь много эмигрантов из нашей страны. Вероятно, в лаборатории подопытными свинками служат бывшие россияне, их-то Америке не жаль: не свои, родные, а чужие, пришлые.

– У меня чешется макушка, – прошептал Саша, – вероятно, шерсть расти начинает!

– Если от пары хрустиков у тебя на лысине проклюнутся волосы, живо беги в зоомагазин, забирай весь корм и продавай его как средство от алопеции, – не выдержала я. – Вмиг разбогатеешь. Успокойся. В пачке нет яда, вон, видишь состав? Сплошные витамины для укрепления костей плюс повышение густоты шерсти.

– Раз так здорово, покупай своей бабке кошачью жрачку и корми старуху, – зашипел Александр. – Отвратительно! Дала мне отраву! За такое и посадить можно! И что за намеки про лысину? У нас с отцом проблема, оба теряем волосы, у папы башка уже как колено! Еще и издеваешься!

Резко повернувшись, консультант убежал.

– Посмотри завтра внимательно на свою макушку, – крикнула я ему вслед, – увидишь на ней всходы полосатой шубки.

Конечно, это жестокая шутка, но глупость парня, испугавшегося корма для животных, меня рассердила. Правда, уже через секунду мне стало смешно, и я стала класть в пакет маленькие коробочки с хлопьями, содержащие одну порцию еды. Пусть Маргоша попробует из каждой и решит, которые ей более по вкусу.

– Девушка, – вкрадчиво произнес красивый баритон, – о каком средстве против облысения вы упоминали?

Я обернулась, увидела парня лет двадцати пяти с наголо бритым черепом и ответила:

– Ерунда.

– Нет, нет, – зашептал юноша, – я слышал, как вы обещали шубу на макушке. Мне очень надо, поверьте.

– Глупость получилась, – призналась я и вкратце рассказала незнакомцу про корм «Антистресс», намеренно не упомянув про Маргошу. Придумала подругу, которую случайно угостила хрустиками, и завершила спич фразой: – Вы же не думаете, что кошачья еда стимулирует рост волос у человека?

– Вполне может быть! – засуетился незнакомец. – Вот, например, крем для вымени коров и коз. Отлично помогает от артрита. Проверено на собственной маме.

Я засмеялась.

– И как дойные животные им пользуются? Идут в магазин, покупают мазилку, а потом своими копытами наносят на собственное вымя? Тем более артрит поражает суставы, а в груди их нет.

– Раз уж мы разговорились, давайте познакомимся, – странно улыбаясь, предложил парень. – Я Никита, работаю в сфере культуры, а вы?

– Таня, – представилась я, – служу секретаршей в офисе.

Сами понимаете, моя деятельность в бригаде Чеслава – закрытая тема для обсуждения. О том, кем на самом деле является госпожа Сергеева, знает ограниченное количество людей. Остальные искренне полагают, что я тоскую на рецепшен в конторе, разгадываю в служебное время кроссворды и часто летаю на пару дней в гости к сестре, которая живет вне Москвы.

– Танечка, коровы и козы имеют доярок, – пояснил Никита, – женщины ухаживают за животными. Артрит проходит не у тех, кто дает молоко, а у тех, кто его получает. Крем продается в ветеринарных аптеках, он там хит, потому что народ в курсе: намажешь больные места – и забываешь о напасти.

– Да ну? – поразилась я. – Никогда не слышала.

– Просто у вас пока отсутствует проблема с суставами, – не сдался Никита. – Кстати, в тех же торговых точках отпускают «Гель для лошадей», он шикарно успокаивает мышечные боли, попробуйте, не пожалеете.

– Спасибо, мне пора, – я попыталась отделаться от назойливого парня и поспешила к кассе.

Сейчас оплачу гору крохотных коробочек с мюсли и пойду в кафе. Выпью очень калорийный, но восхитительно вкусный латте.

Стакан с кофе опустел наполовину, когда на экране моего мобильного возникла надпись «Дима». Коробок сразу начал идиотничать:

– Пока в Бодольск сбегал, все тапки истоптал! Последние километры шел пешком по перекати-полю, пятки колючками изранил.

– Ты сведения нашел? – прервала я гундеж.

– Поскольку Дмитрий Коробков обладает острым умом, наточенной сообразительностью, чрезмерно развитой логикой и понимает, что Олесь в Бодольске, как мух небитых осенью… И поскольку Дмитрий – лучший ум во Вселенной, постольку он, раскинув громадным потенциалом своего мозга…

– Короче! – потребовала я. – Суть дела!

– Олеся Олеговна Семеняка скончалась от травм после автоаварии, – ответил Димон, – имела дочь Анну Семеняка. Отец ребенка неизвестен, судьба малышки тонет в тумане. Есть лишь сведения о ее рождении, больше ничего. В сад не ходила, школу не посещала.

– Как ты нашел Семеняку? – поразилась я.

– Ты не хочешь пространного рассказа, – объявил хакер, – старшей по делу подавай только инфу. Определитесь, доцю, тебе медленно или быстро?

– Быстро, но с подробностями, – велела я, – без лирических отступлений.

– Йес, босс! – булькнуло из трубки. – Я подумал, потыкал пальцем в комп, увидел, прочитал, позвонил тебе.

– Ты невыносим, – простонала я.

– Загадочная женская душа, – жалобно откликнулся Димон, – всем она недовольна. Лады.

Я допивала латте, одновременно слушая Коробкова. Он сразу решил плясать от деревни Каскино. Село действительно тихо умирало, в нем, по архивным данным, пятнадцать лет назад жили три старухи. Имя Вера носила лишь одна из них – Вера Марковна Семеняка. У нее была внучка Олеся Олеговна с той же фамилией.

Получив полные данные женщины, Димон полез в анналы местной больницы и нашел сведения о роженице Семеняка. Никаких проблем с произведением

ребенка на свет у Олеси не было, девочка появилась доношенной, с параметрами «3 кг 500 г» и «52 сантиметра», но что-то насторожило врачей. Молодую мать выписали лишь на двенадцатые сутки. А потом снова положили в больницу, сделали операцию по поводу мастита. Коробков пошарил по сусекам детской поликлиники и узнал: к Семеняке на дом один раз приходила патронажная медсестра, потом визиты прекратились. Олеся впоследствии ни разу не обратилась в медицинское учреждение, Аню не показывали врачу, ей не делались прививки, не выписывался кефир и творог на молочной кухне. Девочка исчезла. А вот Олеся спустя короткое время появилась – но уже на местном кладбище.

Старуха Вера пережила внучку на пять лет, а затем ушла в мир иной. Воспитывалась ли у нее Аня? Вполне возможно, но никого, кто мог бы подтвердить это предположение, нет в живых: соседки Веры и Олеся давно покойники.

Глава 8

– Небольшая нестыковка в показаниях, – заметила я, когда Димон примолк, – Влада Сергеевна сказала, что Юра говорил, будто Нина сообщила: Аня воспитывалась у Веры до смерти старухи.

– «Она сказала, что он говорил, будто баба сообщила», – передразнил меня Коробок, – столько лет прошло, а директриса помнит в деталях незначительную беседу?

– Не соглашусь с тобой, – перебила я его, – ситуация с Аней Киселевой непростая, Влада Сергеевна крепко хранит ее в голове.

– Странно, что она обладает столь редкой способностью к устным мемуарам, – заухал Коробок.

– На вид ей и пятидесяти пяти не дать, – уточнила я, – из-за болезни суставов работу покинула.

– Ладно, пусть Влада Сергеевна суперкомп, – согласился Димон, – но я гляжу в документы. Олеся Семеняка скончалась примерно пятнадцать лет назад. Анне тогда еще не было трех месяцев, но нигде не указано, с кем жила девочка. Бумаги не врут.

Мне пришлось признать правоту Коробка.

– Ладно. А как с некой Ниной? Ну той, что пыталась всучить девочку Юрию?

Хакер оглушительно чихнул.

– Невезуха прет из всех щелей. Нина Петровна Семеняка, двоюродная сестра Олеси, проживала в Бодольске, работала в торговом центре кассиром, скончалась от пневмонии, похоронена на том же кладбище, что и Олеся.

– То есть никого из семьи Семеняк в живых нет? – уточнила я.

– Вера имела двух сыновей, Олега и Петра, – зачастил Димон, – мужики страдали самой распространенной на земле болезнью – алкоголизмом и умерли, не дожив до тридцати пяти. Жена Олега, став вдовой, тоже увлеклась выпивкой и ушла на тот свет, оставив дочь Олесю. Внучку забрала бабка. Олеся не пошла в родителей, хорошо училась, в шестнадцать лет досрочно получила аттестат и поступила в институт.

– Ого! – воскликнула я. – Непросто это для девочки без родителей.

– Диплом ей вручили в двадцать один год, – не останавливался Димон. – Олеся устроилась на службу в детсадик воспитательницей. Оклад был невелик, но и опыта работы у нее не имелось. Потом родила Аню и умерла. У Нины другая судьба, ее мама тащила одна через ухабы, Ниночка любила погулять, выпить, короче, ей досталась папина генетика. Когда мать скончалась от сердечного приступа, девушка кое-как окончила торговое училище, пристроилась кассиром сначала в один магазин, потом в другой, лечилась от любви к водке, посещала занятия местного клуба «Больше ни капли», вроде исправилась и умерла от воспаления легких. Баба Вера пережила сыновей, невесток и внучек. Может, мне съехать жить в деревню? Справлю там столетний юбилей.

– Тебе не поможет! – усмехнулась я. – И что мне теперь делать?

– Кто у нас ведет дело? – забухтел Димон. – Я типа поисковой системы, так, скромно сижу в углу, починяю примус. Промежду прочим, с примусом не всегда получается, как хочется. Я не нашел дело об удочерении Киселевыми Ани.

У меня вырвался возглас удивления:

– Почему?

Димон кашлянул.

– Смею предположить, что таких бумаг не существует в электронном виде. Увы, в России такое случается. Если очень-очень надо, тебе придется искать папку по старинке, рулить в архив, договариваться с начальником, спускаться в подвал, рыться там в пыльных скоросшивателях. Может, и обнаружишь нужное, а может, увидишь милое семейство крыс, которое слопало документы. Увы, в России и это бывает, причем довольно часто. Либо архив утонул или переезжал в новое помещение, а в процессе утерял ряд коробок. Важен результат: дело об удочерении девочки Киселевыми отсутствует. Равным образом нет и сведений о детдоме Ильченко. Кто у них там содержался десять лет назад, неизвестно. Ну не дошел прогресс до интерната, не поставили там компьютер в конце девяностых. Тебя это удивляет?

– Нет, но мне нужен твой совет, – сказала я. – Куда бежать, если везде шлагбаум?

– Остается Гвоздев, – серьезно ответил Коробок, – можно взять анализ ДНК, и тогда сомнений относительно его отцовства не возникнет. Мы имеем два варианта: Аня дочь Юрия, Аня не дочь Юрия. Молчишь? Не нравится мое предложение?

– Оно лучшее из всего возможного, но, боюсь, Гвоздев не согласится, – замямлила я. – Плохо получается. Лена задумала продемонстрировать обнаглевшей приемной дочери, что ее биологические родители – отребье общества, пьяницы-наркоманы, которые подбросили ненужного ребенка на порог интерната. По мнению Елены, увидев жутких, опухших родителей, Аня должна утратить самоуверенность, понять, что неродная мама вовсе не так уж

плоха, прекратить хамить и жить дальше с Леной в любви и согласии. Немного наивно, но может сработать. Однако, если верить Владе Сергеевне, отец Ани богатый, уважаемый человек, главврач крупного медцентра, меценат, благодетель, полезный член общества. Его матушка и предполагаемая бабушка Ани Степанида Андреевна – хозяйка дела, ворочает миллионами. К гадалке не ходи, бизнес завещан любимому сыну. Боюсь, Ане такие папа и бабушка придутся больше по вкусу, чем Елена. Может, предупредить Киселеву?

– Лучше сходи к Юрию, – предложил Димон, – у тебя есть удостоверение сотрудницы агентства «Честные новости», прикинься корреспонденткой и прощупай обстановку.

– Можно попытаться, – обрадовалась я.

– Уно моменто, – пропел Димон, – спагетти – тефтели… Марчело-Брутелло, записывай номер мобилы Гвоздева. Однако телефонная компания наняла на работу лохов, хакнуть их служебные тайны – как пончик у зайчика отнять. Хотя, полагаю, косой начнет отчаянно защищать вкуснятину, засандалит лапой по черепу любому, кто на его жрачку покусится. А эти, не побоюсь грубого слова, телефонисты!.. Трехлетка до их списка абонентов доберется. Звони Гвоздеву!

Вдохновленная Коробковым, я незамедлительно набрала только что узнанный номер и услышала приятный тенор:

– Слушаю вас.

– Можно господина Гвоздева? – спросила я.

– Слушаю.

– Вас беспокоит Первый канал Центрального телевидения, – обнаглела я, – мы готовим программу о людях, которые помогают чужим детям. Надеемся привлечь внимание к проблеме малышей, брошенных родителями, им не оказывается вовремя и в необходимом объеме медицинская помощь. Вы сталкивались с подобным явлением?

– К сожалению, чаще, чем хотел бы, – ответил Гвоздев, – центр «Светлое детство» не государственный, родителям нужно заплатить энную сумму за диагностику и лечение, но у нас существует программа для неимущих, а каждый десятый малыш обслуживается бесплатно.

– Очень интересно, – возликовала я, – можно подъехать для более детального обсуждения? Я редактор, в мои обязанности входит правильно подготовить вопросы для ведущей, чтобы она с вами не о ерунде трепалась, а по сути.

– До одиннадцати вечера я буду в центре, – произнес Юрий. – Если захотите, могу показать клинику. У нас лучшее оборудование в столице, и это не пустые слова.

Пообещав приветливому доктору прибыть через полтора часа, я, прихватив пакет с покупками, двинулась к метро, не уставая по дороге повторять про себя:

– Молодец, Танечка! Редкий руководитель коммерческого заведения откажется покрасоваться в эфире Первого, главного телеканала страны, ты нашла отличный способ подобраться к Юре.

Внутрь современного здания меня впустили безо всяких формальностей. Охранник у двери не стал спрашивать пропуск, а симпатичная женщина на рецепшен, узнав, что я хочу видеть главврача, спокойно сказала:

– Поднимайтесь на пятый этаж, лифт за буфетом.

Я пошла по коридору, устланному ковровой дорожкой. Меньше всего центр Гвоздева напоминал медицинское учреждение. Тут и там слышался смех, а не плач детей, на стенах висели простые картины с изображениями героев сказок, из буфета пахло пирогами, а медицинский персонал носил яркую форму, совсем не напоминающую белый халат.

Пройдя почти до конца коридора, я не нашла никакого лифта и остановила мужчину со стетоскопом на шее:

– Простите, как подняться на пятый этаж?

Врач улыбнулся.

– Вы двигаетесь не в ту сторону. Здесь отделение для детсадовцев. Если у вас проблема со школьником, лучше вернуться во двор и пройти через третий подъезд. Сюда вас с подростком не впустит секьюрити.

– Но меня никто не остановил, – удивилась я.

Доктор кивнул.

– Вы, наверное, оставили ребенка в машине? У нас четкое разделение. Пациенты до года идут в первый подъезд. С двенадцати до тридцати шести месяцев – второй вход. Детский сад – пожалуйте в третий. Дети разных возрастов не пересекаются, а если ваше чадо с температурой, кашлем, насморком, то проход исключительно через бокс. Вот я и сделал вывод: раз вы хотите попасть на пятый этаж, значит, привели подростка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Герои телесаги «Менты».

2

Ситуация, о которой вспоминает Татьяна Сергеева, описана в книге Дарьи Донцовой «Старуха Кристи – отдыхает!», издательство «Эксмо».

3

Димон вспоминает известное стихотворение А. Плещеева: «Травка зеленеет, солнышко блестит, ласточка с весною в сени к нам летит».

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/zolotoe-pravilo-trehpudovochki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить